

The background of the book cover is a photograph of a natural landscape. It features a prominent, light-brown sandstone cliff face on the left side. To the right of the cliff, there is a dense forest of green trees. In the foreground, a calm body of water reflects the cliff and the sky. The sky is a pale, hazy blue. The overall scene is peaceful and scenic.

INSPIRIA

АНАИТ ГРИГОРЯН

ПОСЕЛОК

Ребенок способен

НА РЕКЕ

рассмотреть тайну

ОРЕДЕЖ

INSPIRIA

Новые имена

Анаит Григорян

Поселок на реке Оредеж

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Григорян А. С.

Поселок на реке Оредеж / А. С. Григорян — «Эксмо»,
2019 — (Новые имена)

ISBN 978-5-04-100857-4

...У подростков Кати и Лены Комаровых из многодетной бедной семьи забот полон рот: пока пьяные отец и мать ссорятся друг с другом, нужно как-то накормить, одеть и обуть младших сестренек и братьев. На носу кризис 1998 года, но надежда на чудо не оставляет детей. И чудо все-таки случается. Ведь там, где взрослый не увидит ничего, кроме нищеты и безысходности, ребенок способен рассмотреть тайну...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-100857-4

© Григорян А. С., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Часть I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Анаит Григорян **Поселок на реке Оредеж**

Часть I **ПОСЕЛОК НА РЕКЕ ОРЕДЕЖ**

1

Перед самым входом в сельскую церковь – лужа жидкой грязи, через которую перекинута несколько досок. Досточек, как говорила бабка Марья. Бабку Комарова любила: когда та была жива, подолгу сидела с ней вечерами, слушала путанные рассказы о жизни при коммунистах – бабка была забывчива и часто по несколько раз повторяла одно и то же, перевирая имена и даты, – а после того как бабку похоронили, часто ее навещала. Могила тут же, на кладбище возле церкви: бабка Марья была коммунисткой и Бога не признавала – на могильном кресте намалевана красная звезда. И нашим, значит, и вашим. Поп, отец Сергей, особенно не возражал: Бог всех простит, и на кладбище – несколько таких могил с крестами и звездами, а есть и совсем без крестов – один столб торчит с прибитой деревянной или жестяной табличкой. Уже осень, но кладбище утопает в буйно разросшейся сныти и одуванчиках, и тут и там

виднеются высокие, крепкие стебли осота. Заметив Комарову, равнодушная церковная кошка Васька, сидевшая на паперти, вздрогнула усами и широко зевнула.

– Вася, Васенька, кыс-кыс-кыс, – позвала Комарова, наклонившись и пошевелив у самой земли пальцами, чтобы кошка с ней поиграла. Но Васька только еще раз зевнула, прикрыла раскосые глаза и задремала.

– Ну, не хочешь, сиди как хочешь, дура рыжая, – Комарова выпрямилась, отряхнула подол, потом шагнула на доски, присела на корточки и резко встала. Между досками выступила густая коричневая жижа.

– Ну, егоза! – сердито одернула ее выходившая из церкви высокая женщина. – Разведи тут еще болото! Грязи тебе мало!

Женщина прошла мимо, едва не спихнув Комарову в лужу, но тотчас и придержав ее за плечо, повернулась лицом к церкви и принялась не спеша креститься и отдавать поклоны. Губы ее беззвучно шевелились. Это была тетя Нина, или просто Нинка, известная на весь поселок тем, что поколачивала своего мужа, когда тот приходил домой выпимши. Многие женщины Нинку за это осуждали, но и втайне ей завидовали. Комаровой захотелось показать Нинке язык.

В церкви было сумрачно и приятно пахло, несколько прихожан молились, стоя с низко опущенными головами возле икон. Комаровой больше всех нравился Николай Чудотворец: отец Сергей говорил, что Николай покровительствует детям, и Комарова, как умела, молилась этому святому перед сном за двух своих братьев и четырех сестер, особенно за Ленку. За себя Комарова не молилась, так как давно считала себя взрослой. Возле иконы никого не было, и Комарова подошла, запрокинула голову и застыла, мысленно творя молитву.

– Опять без платка? – отец Сергей смотрел строго, но без осуждения.

– Ну...

– Что, опять потеряла? Что с тобой делать, раба Божия Екатерина?

Комарова шмыгнула носом. Белый шерстяной платок, подаренный на той неделе Сергиевой женой, попадшей Татьяной, она отдала Ленке, а Ленка потеряла. Позавчера Комарова отлупила ее за это хворостиной и теперь стеснялась – и того, что отдала подаренный платок, и хворостины.

– Ну... потеряла...

– Что ж ты...

– Так ведь за всем не уследишь, дел-то много. – Комарова покраснела.

Отец Сергей был человек еще относительно молодой для священника, ему не исполнилось и сорока пяти, но из-за полноты и какой-то преждевременной усталости он казался старше. Своих детей у него не было. Татьяна из-за этого часто плакала и говорила, имея в виду комаровских родителей, что вот, а всяким алкоголикам Бог дал: Мишке этому бессовестному, который над родной матерью измывался как хотел, пока та не померла... целых семеро бегают по поселку, растут как трава в поле. Сергей утешал жену как мог, объясняя ей, что роптать грех, и что пути Господни неисповедимы, и всякое испытание дается от Бога; попадья как будто успокаивалась, всхлипывала и принималась прибираться или уходила на кухню.

– На вот... – Сергей запустил руку в глубокий карман подрясника, достал несколько «Коровок». – Не потеряешь?

Комарова хмыкнула, спрятала конфеты в карман платья, одну тут же развернула и сунула за щеку: «Коровка» оказалась свежей и растеклась во рту густой сладкой патокой.

– Помолиться пришла?

Комарова сделала вид, что конфета во рту мешает ей говорить. Отец Сергей вздохнул и поднял руку, чтобы перекрестить ее и вернуться к своим делам.

– Отче...

Слышно было, как тихонько потрескивают свечи и капает с них воск. Комарова иногда собирала этот растаявший и застывший каплями воск, грела в руках и скатывала в шары.

– Я по делу пришла. С вопросом. Только вопрос нехороший, – она запнулась и снова замолчала.

Сергий ждал, пальцы его правой руки так и остались сложены щепотью.

– Бог все простит.

Ленка шарики из воска складывала в коробку из-под чая, потом слепила из них человечка с руками и ногами, а вместо глаз вставила сгоревшие спичечные головки. Мать нашла человечка и выбросила. Ленка долго плакала.

– Я парня люблю.

Сергий нахмурился, подумал немного и сказал:

– Это не грех.

Ленка плакала, и мать надавала ей подзатыльников.

– Он меня старше.

Сергий помолчал еще. Татьяна вот тоже младше его на целых четырнадцать лет, и ничего, живут.

– Намного?

Комарова шмыгнула носом:

– Не знаю. Лет на шесть. Может, на восемь.

Татьяна иногда запиралась на кухне. Сергей на цыпочках подходил к двери и прислушивался: было очень тихо, только время от времени Татьяна вдруг делала глубокий вдох и то ли всхлипывала, то ли стонала. В дверную щель почти ничего нельзя было разглядеть: Татьяна, чтобы его не тревожить, не включала электрического света и зажигала вместо него свечу. В поселке начинала лаять на запоздавшего прохожего собака, проезжала по далекому шоссе одинокая машина или гроыхала фура с лесом. За печкой цвиркал сверчок. Жена вставала, наливала из чайника холодного кипятка, пила большими глотками. Сергей так же осторожно, как пришел, возвращался в комнату.

– Ты его разве больше, чем Бога, любишь?

Комарова подняла глаза, испуганно поморгала, помотала белобрысой головой:

– Нет, не больше.

– Тогда тоже не грех, – заключил отец Сергей.

Он трижды перекрестил ее, потом погладил по голове. Комарова снова опустила глаза, уставилась в пол. Не заплакала бы. Один Господь знает, что делать с человеческими слезами.

– Еще что-нибудь хочешь рассказать?

– Ничего.

Ленка, когда плачет, трясется всем телом, хватается руками за голову, сгребает пряди волос грязными пальцами. Так плачут только мелкие – взрослые, это Комарова точно знала, плачут беззвучно, даже и непонятно сразу, что плачут, просто слезы катятся по щекам, и всё. Мать всегда сердилась, когда кто-нибудь из мелких ревел, и била их молча, закусив нижнюю губу, разве что Ольку жалела – за то, что та дурочка: скоро десять, а говорить так и не научилась, все на нее давно рукой махнули. Но зато Ленке и Катерине она спуску не давала и от души лупила их за всякую провинность.

– Точно ничего?

– Сказала же.

Сергий хотел спросить: «А он-то тебя любит?», но смутился и мысленно одернул себя. Ребенок еще – откуда ей знать.

– Тогда иди с Богом.

Он еще раз рассеянно провел рукой по ее голове и неторопливо пошел прочь.

В церковь в основном ходили женщины. Женщин было много, но историй у них было от силы две-три: или полюбила кого-нибудь – это если молоденькая, или муж пьяница, гулена и бьет, или тяжело одной, без мужа, справляться с хозяйством, забор вон покосился, а поправить

некому, и свои силы уже не те – это если старуха. Бога им было мало, потому что Бог милостив, но молчалив, и нужен был священник и живое человеческое слово. Он в молодости хотел пойти на математико-механический и уехать в город, но отец настоял, чтобы сын пошел по духовной части. Сергей наклонился, поднял оброненную кем-то записку. В спине неприятно отозвалось. За здоровье.

Комарова подождала, когда священник скроется в алтаре, подбежала к иконе и, оглядываясь, боясь, что кто-нибудь заметит, быстро собрала натекший со свечей, пахнувший медом воск, опустила в карман, выбежала из церкви и бежала до дороги и только там наконец остановилась и обернулась. Церковь стояла на пригорке и была очень старой, и красный кирпич ее стен потихоньку рассыпался в труху, и земля вокруг тоже была красноватой.

Бабка Марья рассказывала, что в тридцать седьмом большевики расстреляли здешнего батюшку – отца Алексия. Бабка была тогда маленькой девочкой, младше Ленки, наверное. Она говорила, что все видела: у церкви были заросли малины и дети бегали ее собирать. Отец Алексий был очень старый и совсем седой; когда его выводили из церкви, он несколько раз споткнулся, потом вообще упал, и его подняли, поставили на ноги и застрелили прямо перед церковью. Бабка из малины все и видела. Комарова встречала отца Алексия: он появлялся поздно вечером, когда церковь была заперта, был весь в белом и хромотал, потому что сначала ему выстрелили в ногу, а уже потом – в голову. Это бабка Комаровой рассказывала: тот, который стрелял, был еще совсем мальчик, а второй, старший, его потом ругал, что он не умеет обращаться с оружием. Влажные седые пряди Алексия липли ко лбу, и, когда Комарова его окликнула, он не обернулся. Когда она рассказала матери, та ударила ее наотмашь по лицу и сказала, чтобы не смела шляться по вечерам где попало.

Комарова сплюнула в пыль, сунула руку в карман, дотронулась до теплого комка воска. Деревья на кладбище покачивались от ветра и тихо поскрипывали, где-то долбил по стволу дятел. Она сощурилась, пытаясь разглядеть птицу в мельтешении листвы, но ничего не было видно. Потемневшее к вечеру небо заволочили тучи, и накрапывал дождь. Комарова поежилась, достала из кармана еще одну конфету, развернула, сунула в рот и побрела по дороге. Хотелось есть, но от конфеты во рту стало только приторно и противно.

Навстречу шла Светка со своим парнем Павликом. Светка была городская, но дачу не снимала, а жила тут у тетки – тети Зины – и каждый раз задерживалась чуть не до середины сентября. Комарова прибавила шагу и, поравнявшись со Светкой, ухватила ее за подол, рывком задрала юбку, так что оголились загорелые, в царапинах Светкины ноги, а заодно и трусы с кружавчиками, и бросилась бежать. Светка завизжала. Отбежав на безопасное расстояние, Комарова обернулась. Павлик за ней не гнался: помогал Светке расправить подол.

– Кошка драная! – крикнула Комарова.

– Сама такая!

– Дура ты, Комарица! – поддержал Светку Павлик.

Комарова нагнулась, взяла с земли камень. Павлик попятился.

– Чего? В город за этой кобылой поедешь?

– Может, и поедет, а тебе что, завидно?

Комарова, не целясь, бросила камень – он упал на дорогу, подняв облачко легкой белой пыли. Светка снова взвизгнула.

– Нужен он там кому, в твоём городе!

Светка хотела ответить, но поджала губы, схватила Павлика за руку и потянула прочь. Комарова пожала плечами и отвернулась. Дождь усиливался, и по спине поползли упавшие за шиворот прохладные капли. Первая осень, когда не нужно идти в школу, – семь классов Комарова с грехом пополам окончила, а в восьмой не пошла: и так дел по хозяйству невпроворот. Ленка вон вообще пятый бросила, не доходила, и никто ей слова не сказал; мать только рукой махнула, мол, дура – дура и есть, читать по слогам научилась – и на том спасибо. Без школы

хорошо: никто не спрашивает домашних заданий и не вызывает к доске, а все-таки немного скучно и непонятно, что дальше. И еще Сергей этот – «не грех, не грех». Комарова слышала, как тетка Нина говорила Алевтине, что к его Татьяне ходит по ночам черт, и Алевтина поддакивала, мол, ходит-ходит, то через печную трубу, то в окно влазит, она сама видела, и хвост у черта был длинный и тонкий, как веревка, а на конце – кисточка вроде как у коровы. И все эта дура врет, ничего-то она не видела. Во-первых, те, к которым черт ходит, худые и грустные, потому что их сушит тоска, а Татьяна вон какая – румяная и веселая. Во-вторых, должны быть обязательно на шее синие отметины, потому что черт, когда приходит к женщине, ее душит – сначала так только, вроде играет, а потом возьмет и насмерть задушит. А у Татьяны никаких на шее отметин нет – белая шея и чистая, каждую неделю она, что ли, в бане моется. Комарова провела пальцами по влажным волосам, запрокинула голову, и крупные увесистые капли упали ей на лоб и щеки.

– Ка-ать! – Ленка выскочила откуда-то из придорожных кустов. Босая, конечно, ноги грязные, и встала прямо в лужу.

– Чего не обулась?! – крикнула в ответ Комарова. – Ноги застудишь!

– Небось не застужу. – Ленка подошла ближе и утерла нос рукавом. – Тепло еще.

– Тепло, тепло, с носу потекло, – передразнила Комарова, сунула руку в карман и отдала Ленке пару «Коровок». Та сразу развернула и запихнула в рот обе.

– Чё, к бабке ходила?

– Не болтай с набитым ртом.

– Ну чё?

– К бабке.

– И чё бабка сказала?

– Сказала, всыпать тебе давно пора. Хворостиной по жопе.

– Позавчера уже всыпала.

– Мало, значит. Надо добавить.

Ленка отвернулась, насупилась, помолчала.

– Саня с утра зубами мается. Воет.

– Надо было к фельдшерице его отвести. – Комарова посмотрела на босые Ленкины ноги, до колен облепленные грязью. Тепло ей, как же... туфли она осенние бережет.

– Бати нет, а мать того...

– Понятно.

Бабка рассказывала, что до прихода советской власти в поселке жили такие колдуны, которые пошепчут над зубом там больным или чирьем, пошепчут, и все проходило, и не надо было ни к какой фельдшерице. Фельдшерица все равно ничего не сделает, разве только даст парацетамолу и выпишет направление в город, а в город Саню никто не повезет. Это два часа на электричке, и там еще неизвестно сколько – город-то большой, а он уже третий день орет.

– Чего у него?

– Ну щеку раздуло, во... – Ленка приложила кулак к щеке. – Во! И орет.

– Понятное дело, что орет.

– Это Босой виноват, – вдруг сказала Ленка.

– Чего вдруг Босой-то?

– Он Саню на прошлой неделе в канаву толкнул, помнишь? Саня ему под велик сунулся.

– Ну помню. И что?

– Вот тебе и что! Вот у него и зуб теперь!

– Дура. Как из деревни...

– Сама ты дура, – надулась Ленка и поджала губы. – Сама ты из деревни...

Баба говорила, теперь никто таких слов не знает, которые надо шептать над зубом, чтобы прошло, потому что колдуны свои заговоры партийным не передавали. Комарова пнула калитку, петли заскрипели, и Ленка хихикнула:

– Смазать бы, Кать...

– Чем я смажу? Соплями твоими?

Саня орал так, что было слышно на улице. В соседнем дворе залилась лаем овчарка, одуревшая от Саниного воя.

– Пачку соли давай разведи в миске.

– Целую?

– Ну...

– Мать узнает, крику будет...

– Иди давай.

Ленка побежала через двор; в сумерках казалось, что на ногах у нее темные гольфы. Комарова осторожно поднялась по ступеням крыльца, вошла в дом, тихо, на ощупь прошла по длинному, заваленному хламом коридору. Саня сидел в углу комнаты, прижавшись больной щекой к стене. Увидев Комарову, он примолк и громко шмыгнул носом. Рядом на полу сидели Анька и Светка. Комарова шуганула их, подошла к Сане, присела на корточки:

– Открывай рот давай.

Саня покорно открыл рот, Комарова сунула палец ему за щеку, оттянула. В комнату зашла Ленка, поставила на пол миску с соленой водой. На десне у Сани белел фуфел.

– Ну, иглу тащи и спички.

Вот если бы знать те слова, которые колдуны шептали. В поселке была еще при советской власти такая баба Нюра, которая могла не только зуб, а и перелом заговорить, так чтобы не болело и срасталось без всякого гипса. Деду когда ногу придавило бревном на лесопилке, баба Нюра ему каких-то листочков на ногу положила, потом хлебный мякиш в воде размяла, что-то над ним пошептала-пошептала – и на больное место ему. У деда быстро все зажило, даже в больницу не пришлось везти. Комарова его не помнила, он помер до ее рождения, а батя говорил, что он всю жизнь сильно хромал и был страшный матерщинник. Баба потом бабу Нюру просила ей записать, что она там над хлебом-то шептала, но баба Нюра сказала, что, раз баба партийная, она ей слова передавать не станет, и как баба ни упрашивала, – она ни в какую. Саня взвизгнул, шарахнулся в сторону, стукнулся головой об стенку и заскулил.

– Всё, больше болеть не будет, полощи теперь.

Ленка схватила с полу миску, ткнула Сане в лицо.

– Давай, Санечка, полощи. Больше болеть не будет. Ну... чё ты...

Саня отхлебнул немного из миски и стал полоскать рот.

Комарова вышла из комнаты, прихватив с собой спичечный коробок. Кто-то из мелких проскочил мимо: не терпелось посмотреть на притихшего Саню. Она шагнула из духоты прихожей в прохладную сентябрьскую ночь, вскочила, подтянувшись на руках, на перила крыльца, вытащила из щели между досками припасенную с утра самокрутку, чиркнула спичкой и закурила. Дым тонкой струйкой потек в воздухе; на перила бесшумно, как тень, взлетела Дина и улеглась, подобрав под себя лапы и шуря желтые глаза. Комарова протянула к ней руку, но Дина предостерегающе заворчала.

– Ну и пошла ты, дура блохастая... – Комарова сбила с самокрутки пепел и сплюнула в траву. – Не очень-то и хотелось.

Из дома вышла Ленка, притворила за собой дверь, тоже забралась на перила и уселась, прижавшись спиной к столбу, поддерживавшему полусгнивший навес над крыльцом. Комарова пошарила в тайнике, вытащила еще одну самокрутку, отдала Ленке вместе со спичками.

– Ну, рассказывай... – Ленка затаилась. Когда она курила, то была похожа на отца: он так же зажимал зубами беломорину и глубоко затягивался, а потом вынимал папиросу из

рта двумя пальцами, выдыхал дым и сплевывал густую ржавую слюну. – Взяла тебя Олеся Иванна или чего? – она поерзала на перилах и уставилась, не мигая, в глаза Комаровой. Белесые ресницы ее чуть подрагивали.

А Комарова совсем и забыла, что утром ходила устраиваться на работу. Осенью дни длинные, тягучие, и в один осенний влезает десяток летних.

– Морду бы умыла.

– Ну Ка-ать...

– Санитарная книжка нужна. – Комарова затянулась, вдохнула пахнувший малиной и черникой дым.

– Чего за книжка такая?

– Ну, такая... там всякое написано, вроде что ты... – Комарова задумалась. – Не обманешь там покупателя, не всучишь ему чего не того...

– Да ну, Олеся Иванна сама вон всучает! Мужики на прошлой неделе паленой водкой потравились! Двоих на прошлой неделе увезли по «Скорой»!

– Ну, может, она не знала, что водка паленая.

– Да как же, не знала она... Чего не знала-то?

– Ты-то сама откуда знаешь? – рассердилась Комарова на сестру: мелкая, а туда же...

– Бабка Женя тете Нине говорила.

– Ведьма эта бабка Женя.

– Ведьма, – согласилась Ленка. – Я сама видела, как она соседям чего-то в грядку пихала. Яйца тухлые и шерсть собачью.

– Да ты чего... – Комарова придвинулась к Ленке. Дина, недовольно фыркнув, прыгнула вниз и пропала в сумерках. – Ты чего... откопала и в руки это все брала?

– Ну откопала...

– Да ты дура совсем! – Комарова размахнулась и ударила Ленку по уху, та покачнулась и покраснела как свекла. – Дура совсем!

Ленка надулась, уставилась в пол. Говоришь ей, говоришь, все как об стенку горох. Лезет куда не надо.

– Дура совсем, – повторила Комарова. – Выбросила хоть?

– Выбросила, – буркнула Ленка. – Через левое плечо поплевала и сказала так: откуда пришло, туда и иди.

Врет, конечно.

– Ну хоть так. Так, может, и не будет ничего. А то сама знаешь чего.

– А чего?

– Сама знаешь чего. Отстань.

– Ну и пожалуйста.

От самокрутки остался коротенький, едва тлеющий хвостик. Комарова растерла его о стену и отшвырнула щелчком. Когда Ленка одной осенью тяжело заболела гриппом, бабка Женя приходила, приносила еще теплое парное молоко в зеленом бидоне и тертую клюкву с сахаром, потом позвонила со станции каким-то своим родственникам в город, и приехала молодая, коротко стриженная, сердитая женщина, которая Ленку раздела догола, долго крутила, что-то в ней слушала, оставила какие-то таблетки и пластыри, и бабка Женя сама на Ленку эти пластыри лепила и заставляла есть таблетки вместе с тертой клюквой и запивать молоком.

– Может, и врешь ты все.

– Чего это я вру? – удивилась Ленка.

– Все ты врешь...

Олеся Иванна сказала, официально Комарову взять на работу не может, но помощница ей нужна. Платить, мол, будет по-честному и без санитарной книжки, но чтоб никому... Будет

она по-честному, как же. Комарова вздохнула. Деньги были нужны – хоть какие, а больше ее в поселке никто не возьмет. В город бы поехать, там людей много, значит, и работы на всех хватает, только мелких с собой не потащишь, и эту вот... и еще...

– Ты чё задумалась, Кать?

– Да так, ничего.

– Влюбилась, что ли?

– Иди ты в жопу.

– Сама иди ты в жопу, – обиделась Ленка, бросила давно погасший хвостик самокрутки, прыгнула с перил и ушла в дом, громко шлепая по доскам босыми ногами. Комарова догнала ее в комнате – у них с Ленкой, как у самых старших, была своя комната, маленькая и сырая, окнами на лес. Комаровский дом стоял на самой окраине поселка; бабка рассказывала, что когда-то в нем жила большая семья не то Кусковых, не то Кисловых – тоже на «ка», а когда пришла советская власть, что-то с этими Кусковыми или Кисловыми случилось – заболели, или что-то еще, или куда-то их зачем-то всех увезли. Ленка сидела за столом, низко опустив голову и почти касаясь носом расстеленной на столе клетчатой клеенки. Ноги ее не доставали до пола.

– Ленка...

Ленка вздрогнула, еще ниже опустила голову и поджала под стулом ноги.

– Я тебе вон чего... – Комарова достала из кармана большой ком воска и положила перед Ленкой. Та подняла голову, шмыгнула носом, потянулась к кому, отщипнула кусочек, растала между ладонями, положила на клеенку и слегка расплющила.

– Ну, так спички давай.

Комарова отдала Ленке коробок, та взяла две спички, воткнула в воск и подожгла. Комарова не дыша уставилась на два маленьких дрожащих огонька. Когда они доползли почти до самого воска, Ленка их задула. Одна спичка осталась стоять прямо, другая, сгорев, изогнулась дугой и отклонилась в сторону.

– Не, не судьба. – Ленка снова шмыгнула носом и утерлась кулаком.

– Давай еще раз.

Ленка пожалала плечами, вынула сгоревшие спички из воска, провела пальцем по блестящей поверхности, замазывая дырочки, и поставила новые.

– Давай я теперь. – Комарова подожгла спички и стала смотреть на огоньки.

Обугливаясь, спички медленно отворачивались друг от друга и наклонялись в разные стороны.

– Да понятно уже! – не выдержала Ленка.

– Погоди...

– Да понятно ж!

– Да погоди ты!

Огоньки добрались до воска, он начал плавиться, запузырился и тихо зашипел.

Ленка задула спички:

– Прождем скатерть, мать ругаться будет.

– Давай еще раз. Бог троицу любит. – Комарова вынула из воска сгоревшие спички, вставила новые, подожгла. Одна загорелась не сразу, и пришлось поджигать ее заново. Ленка не мешала, смотрела молча и только вздохнула, когда обе спички, сгорев, снова отвернулись друг от друга.

– Ну, значит, правда не судьба... – Комарова собрала со стола спички, отлепила воск от клеенки, помяла в руках, потом открыла окно и выбросила все в ночную темень. В лесу протяжно закричала какая-то птица, как будто заплакала.

Ленка обхватила себя за плечи и поежилась:

– Душа чья-то тоскует.

Комарова прислушалась, но птица больше не кричала. Лес тихо, спокойно шумел, как будто осень еще и не собиралась наступать, а была только середина августа, когда жара спадает, и стоит тихая, немного сонная погода, и некоторые дачники уже начинают вздыхать о возвращении в город... Теперь-то почти все уехали, кроме этой дуры Светки.

– Это выпь кричит. На болоте.

– Она, говорят, к несчастью...

Отец Сергей в свое время крестил и Комарову, и Ленку, и мелких. Мать говорила, никому это было не надо, но, когда пришел какой-то там срок, вроде сорок дней, как для поминок, ранним утром к Комаровым заявила Татьяна. Мать сама была из городских и в Бога не веровала, считая, что образованному человеку, учившемуся в институте, это неприлично, и крещение считала за предрассудок; по поводу Комаровой она даже пыталась с Татьяной поругаться, но та, обычно тихая, вдруг раскричалась, чуть не силой отняла ребенка и отнесла в церковь, и матери пришлось идти следом, потому что как оставишь младенца, пусть даже и попадье. Других детей мать отдала уже без боя, только презрительно хмыкала, когда являлась Татьяна, наряженная, как на праздник, и притаскивала с собой то ватрушку с творогом, то сладкую запеканку – отметить крестины. Комарова дотронулась пальцами до шнура на шее, на котором висел крестик.

– Ленка... гадать-то – грех.

– Все гадают, и ничё. Эти даже, дуры, ну, сестры-то бесстыжие с той стороны реки... Мы ж не на картах.

– А они на картах?

– На картах. На то и бесстыжие. – Ленка подумала немного. – На картах гадают и голыми в реке купаются – сама видела.

Выпь в лесу снова заголосила и кричала долго, тоскливо, как женщина.

– Ка-ать, – тихо спросила Ленка, – а почему гадать – грех?

– Потому что это... на божий промысел не надеяться и совать нос не в свои дела. Гадают только цыгане.

– Да ладно... а бабка наша гадала.

– Не гадала бабка, не ври. Она коммунисткой была.

– А вот и гадала! – заспорил Ленка. – И на картах, и на блюдечке с голубой каемочкой, и по-всякому! По-всякому по-разному гадала!

– Да не гадала бабка, ну!

– А я говорю, гадала! Мне лучше знать!

– Это с чего это тебе лучше знать?!

– А с того!

– Да с чего с того?!

В дверь комнаты постучали:

– Чем вы там занимаетесь?! Орете на весь дом!

Ленка втянула голову в плечи и прошептала:

– Мать разбудили... сейчас будет...

– Это все ты...

– Да ладно, чё я-то?..

– Сейчас, мам! – крикнула Комарова. – Уже ложимся!

Мать за дверью молчала, но не уходила. Комарова почувствовала, как прохладные Ленкины пальцы сжали ее запястье.

– Уже ложимся, мам! – громко повторила Комарова.

Мать, хоть и была маленькая и худая, в чем душа держится, а рука у нее была тяжелая, и, начав бить, она останавливалась, только когда уставала. Из всех братьев и сестер Комарова единственная была на нее похожа, за что мать ненавидела ее особенно.

– Чтоб я вас больше не слышала. Если еще хоть раз услышу...

Послышался скрип половиц. Мать сделала несколько шагов, потом повторила устало: «Если еще хоть раз услышу...» – и ушла совсем. Ленка глубоко вздохнула и отпустила Катину руку:

– Вот ведь...

– Ложиться надо, правда, поздно уже.

Комарова, не раздеваясь, забралась в постель и накрылась тяжелым шерстяным одеялом; одеяло было куплено еще бабкой Марьей в незапамятные времена, когда она ездила в город и какую-то за этим одеялом отстояла там дикую очередь. Комарова подтянула край к подбородку и вдохнула запах: пахло чуть сыроватой шерстью. Ленка выключила свет и бесшумно выскользнула из комнаты. В сарай поперлась, в туалет. Комарова закрыла глаза. По-хорошему, надо бы ее проводить: в сарае темно и навалено всякого сора на полу, вчера кто-то из мелких наступил на гвоздь. И пауков там полно, поймают Ленку, замотают в паутину и ищут до смерти, так ей и надо. В детстве они пугали друг друга этими пауками. Комарова крепко зажмурила глаза, потом открыла: вокруг была кромешная темнота, только за окном эта темнота колыхалась, ворочалась и шумела – ели и сосны кутались в свою хвою, ожидая скорых холодов.

Ленка вернулась так же тихо, как ушла, вошла в кровать Комаровой, прижалась к ее плечу холодным носом.

– Куда ты в постель с грязными лапами...

– Засохнет и отвалится, – хихикнула Ленка.

– К себе иди.

Ленка не ответила, свернулась калачиком и прижалась еще теснее. Комарова прислушалась:

– Не спишь, что ли?

– Не сплю.

– Чего не спишь-то?

В темноте Ленка открыла глаза, посмотрела в окно, где раскачивалась громада леса:

– Ка-ать... а он какой?

– Какой надо.

– Ну Ка-ать... – Ленка ущипнула ее за руку.

Теперь ни за что не отвяжется и будет выпытывать. Входная дверь заскрипела, с шумом распахнулась, потом захлопнулась, по коридору прошли тяжелые шаги, остановились, батя несколько раз ударил в стену кулаком, что-то упало, покатилося, потом затихло.

– Приперся...

– Ну Ка-а-а...

– Что ты пристала?

– Ну какой он? – повторила Ленка. – Хоть местный?

– Местный, – нехотя ответила Комарова.

– А красивый?

– Отстань.

– Ну!

– Отстань, кому сказала...

Ленка вздохнула, перевернулась на другой бок и помолчала немного.

– Я выйду только за городского.

– Чтобы в город уехать?.. Нужна ты там.

Комарова закусила губу. В городе у них есть тетка – мать старшая сестра. Когда мать переехала в поселок и вышла за отца, тетка перестала с ней разговаривать. Мать много о ней рассказывала, какая, мол, тетка молодец, работает главным бухгалтером в магазине и поставила на ноги двоих детей, а она вот ошиблась один раз – и вся жизнь под откос. Потом тетка вдруг

приехала, привезла мешок карамелек в ярких разноцветных обертках и поругалась с матерью: они стояли во дворе – мать в вылинявшем домашнем халате, тетка в новеньком костюме – и пытались друг друга перекричать. Тетка поймала за шиворот пробежавшую мимо Ленку, стала показывать ее матери, как будто та Ленку в первый раз видела, Ленка вывернулась и больно укусила тетку за пухлую руку.

– Нужна ты там очень, в городе...

Ленка не ответила. Бабка говорила, что человеческий укус хуже собачьего – долго болит и плохо заживает – и что надо его прижигать водкой и прикладывать чистый лист подорожника. Больше тетка не приезжала, а мать, когда была трезвая, жалела, что они тогда поругались, и все говорила, что поедет в город мириться, а когда напивалась, крыла тетку последними словами. Они с Ленкой хранили несколько разноцветных оберток от тех карамелек, на них английскими буквами было написано «Bon Parì», и от них еще долго пахло яблоком, клубникой и какими-то незнакомыми вкусными вещами. Комарова закрыла глаза и не заметила, как уснула. Приснился Саня: он сидел в углу большой комнаты, держался обеими руками за щеку и раскачивался из стороны в сторону. Бабка сидела подле него, гладила его по волосам сухой старческой ладонью. Ее губы беззвучно шевелились: все слова забыла, Санечка, а раньше были такие люди, которые знали всякие нужные слова, не плачь, отвезем тебя в город, к доктору, он тебя вылечит. Саня не слушал, продолжал раскачиваться и жалобно подвывал. Потом приснилась Ленка в красивом платье, с причесанными и заплетенными в косу волосами, а ноги у нее были босые и грязные. Комарова засмеялась, глядя на ее ноги, от смеха проснулась и долго лежала, вглядываясь в темноту. Кому эта дура нужна в городе, у нее даже приличных трусов нет. Взять, к примеру, Светку, вон как за ней этот дурень Павлик увивается, и что он только в ней нашел... За стеной ругались мать с отцом: мать упрекала отца за то, что когда-то в него влюбилась и вышла замуж, отец отвечал на всё одним словом и ударял кулаком по столу. Комарова закрыла глаза и уснула крепким сном.

2

Все утро Комарова таскала коробки с печеньем и расставляла их на полках. В поселке было несколько магазинов и даже один, называвшийся универмагом, где продавали все то же самое, только дороже. Городские, выкатывавшиеся из электричек, сразу бежали в универмаг, потому что думали, что там все более свежее и вообще почти такое же, как в городе. В магазине всегда пахло подплесневевшим хлебом и песочным печеньем и немного – розовыми духами Олеси Ивановны. Сама Олеся Ивановна сидела за прилавком на деревянном стуле, под одну из ножек которого была подложена картонка, чтобы не шатался. Комарова притащила последнюю коробку и поставила на полку. Олеся Ивановна оглядела ее с головы до ног, вздохнула:

– Лахудра ты, Катька.

Олесе Иванне было около тридцати пяти, она была полная, черноволосая, выглядела немного старше своих лет, ярко красилась и казалась Комаровой очень красивой. Прошлым летом Комарова видела, как Петр, водитель «газели», дважды в неделю подвозивший продукты, обнимал Олесю Ивановну за магазином. Он грубо и неловко прижимал ее к бетонной стене и тыкался лицом в глубокий вырез ее кофты. Она смеялась и отталкивала рукой его лохматую голову, повторяя: «Ну что ты, Петя, что ты, что ты...», потом вдруг сгребла пальцами вихры на его затылке и сильным движением прижала его голову к своей груди.

– Ты хоть ела сегодня?

Комарова отрицательно мотнула головой. Когда она собиралась, все еще спали, и она тихо оделась и на цыпочках вышла из дома. Дина лежала поперек крыльца. Чтобы не переступать через нее и не накликать беду, Комарова попыталась подвинуть ее ногой, но Дина, проснувшись, зашипела и чуть не вцепилась ей в щиколотку. В конуре зазвенел цепью и пару

раз твякнул Лорд. Плюнув, Комарова перепрыгнула Дину и побежала через двор. В воздухе висел туман, и мокрая трава неприятно холодила ноги.

– Что, не ела?

Комарова пожалала плечами. Платье было ей велико, длинные рукава подвернуты и заколоты булавками. Когда Комарова вспрыгивала на табурет, чтобы дотянуться до верхней полки, и приподнимала свободной рукой подол, становились видны разбитые колени, покрытые запекшейся корочкой.

– Что так?

– Не хотела, – хмуро ответила Комарова.

– На складе греча с тушенкой, иди поешь, все равно пока никого нет.

Складом называлась небольшая комната, занятая ящиками со спиртным и консервами. К стене напротив двери был прижат узкий диван с вытертой обивкой, а в углу помещалась «кухня»: маленький прямоугольный стол, накрытый клеенчатой скатертью в синюю и желтую клеточку, два табурета, рукомойник и полка с посудой. В теплое время Олеся Иванна ставила на середину стола маленькую хрустальную вазу с какими-нибудь цветами, которые набирала по дороге на работу, и теперь из вазы торчало несколько крупных подвявших ромашек. Кастрюля с гречневой кашей, укутанная полотенцем, стояла на одном из табуретов. Комарова переставила ее на стол, осторожно размотала полотенце, приподняла крышку и вдохнула густой теплый пар, потом взяла с полки тарелку, нагребла себе несколько ложек, так же аккуратно укутала кастрюлю и села есть. Каша была не очень вкусной: Олеся Иванна не выбрасывала из тушенки жир – жалела, но Комарова готова была съесть теперь что угодно: со вчерашнего вечера во рту ничего не было, кроме пары конфет. Мать когда-то готовила такую же кашу, тщательно отделяя жир и оставляя только распадавшееся на тонкие розовые волокна солоноватое мясо. Жир из тушенки доставался Лорду: едва почуяв запах, он вылезал из конуры, приседал, запрокидывал голову и тихонько поскуливал, а когда мать выходила на крыльцо и бросала ему желтоватые комки, он подпрыгивал и ловил их раскрытой пастью, смешно клацая при этом зубами, а потом облизывался до самого вечера.

– Сахарного песку полкило.

Комарова положила ложку, спрыгнула с табурета и выглянула в магазин. Перед прилавком стояла, опираясь на палку, бабка Женя.

– Пряников не хотите взять, тетя Женя? – заискивающе спросила Олеся Иванна.

Бабка Женя с сомнением покосилась на пряники:

– А они у тебя мягкие?

– Сегодня только привезли, – не моргнув глазом соврала Олеся Иванна. (Пряники привезли, дай бог, в начале прошлой недели.)

Бабка Женя раздумывала, мелко постукивая палкой по полу. Голова ее чуть тряслась.

– Слышала, Николая Иваныча-то сын?..

– А что он?

Олеся Иванна привстала со стула, облокотилась на прилавок, подперев подбородок ладонями. Комаровой и Ленке сын Николая Иваныча Алексей когда-то слепил из красной оредежской глины пару свистулек.

– Нашел себе кого-то в городе.

Олеся Иванна удивленно охнула:

– А Алевтина как же?

– Да уж, наверное, как все...

– Это кто ж на него на такого позарился?

Алексей правда был долговязым, нескладным и с глазами навывкате – на него и в поселке мало кто смотрел.

– Да уж кто-то, значит, позарился...

– И давно это он?

– Да уже недели на три задержался... может, и больше.

– Так может, он так просто?

– Уж конечно, «так просто»! – бабка Женя усмехнулась. – Ты-то будто не знаешь, как оно бывает – «так просто»!

Олеся Иванна смутилась:

– Да по-всякому бывает, тетя Женя. Три недели – немного.

Бабка Женя помолчала, задумчиво пожевала губами.

– Пряников-то возьмете? – напомнила Олеся Иванна.

– Пряников не нужно. Сахарного песку полкило.

Вот ведь вредная бабка.

– А кто это у тебя тут?

Комарова сделала шаг вперед.

Бабка Женя оглядела Комарову, как будто видела в первый раз. Глаза у нее были постарчески голубые, но ясные. Когда была жива бабка Марья, они с бабкой Женей дружили, хотя бабка Женя никогда не состояла в партии и была страшная сплетница, чего комаровская бабка, не в пример другим в поселке, не любила и часто попрекала «Женьку» тем, что у той язык как помело, а бабка Женя на это смеялась, и вокруг глаз у нее собирались гусиные лапки морщинок. Говорили, в молодости она была в поселке первой красавицей и за ней увивалась целая куча парней, но она выбрала какого-то приезжего, он с ней покрутился, покуролесил два лета и бросил, а она после этого как-то быстро состарилась и подурнела.

– Не обижает тебя эта стервоза?

Комарова хотела ответить, но вместо этого прыснула со смеху и зажала рот ладонью.

– Тетя Женя, ну как вам не стыдно...

– Ой, посмотрите на нее, люди добрые, обиделась! Что, скажешь, не стервоза?

– Да ну вас, тетя Женя...

– Не обижает, – выговорила наконец Комарова.

Однажды батя уволок бабку в сарай, запер дверь изнутри и долго бил, и слышны были крики и как что-то падало и гремело железом. Потом стало тихо, и бабка вышла из сарая, подозвала Комарову, провела рукой по своей голове, собрала пригоршню седых волос, склеенных уже начавшей спекаться кровью, скатала их между ладонями, протянула Комаровой и сказала отнести «Женьке». Бабка Женя, увидев волосы, охнула, накинула на плечи кофту и побежала в домашних тапках на улицу.

– Ну, не смотри ты на меня, как Ленин на буржуазию, дай еще печенья грамм двести.

– Лучше пряников возьмите.

Бабка Женя снова задумалась, постучала палкой по полу:

– Печенья грамм двести. Вот того, которое с железной серединкой.

Олеся Иванна взглянула на Комарову:

– Ну, что встала, помощница?

Комарова схватила пластмассовый совок, насыпала в протянутый бабкой Женей мятый полиэтиленовый пакетик печенья, отдала Олеся Иванне, та поставила пакетик на весы и долго ждала, пока остановится дрожащая стрелка. Когда стрелка остановилась, она постучала по стеклу весов ногтями, стрелка дернулась еще несколько раз и наконец встала окончательно.

– Двести тридцать, брать будете?

Бабка Женя кивнула, вытащила из большой сумки кошелек и медленно отсчитала деньги без сдачи. Потом забрала свой пакетик, вытащила пару кругляшков и протянула Комаровой:

– Как там Марья-то?

– Лежит, чего ей...

– Навещаешь ее?

– Вчера была.

Бабка Женья вздохнула:

– А меня все никак Господь не приберет.

Олеся Иванна едва заметно усмехнулась (Черт тебя никак не приберет, сволочь старая. Печенья ей подай с желейной серединкой!), но вслух сказала только:

– Что вы такое говорите, тетя Женья!

Бабка Женья в ответ покачала головой, тяжело вздохнула, взяла с прилавка выставленные Олесей Иванной полкило сахара и поползла к двери. Комарова откусила печенье: сладковатое песочное тесто как будто растворилось во рту. Бабка Женья, как все старики, эти печенья размачивает в чае, и чай становится густым и мутным от крошек. Какая ей разница, пряники, печенье... взяла бы правда пряников.

– О чем задумалась, помощница?

– Да так... – Комарова пожала плечами. – Ни о чем, просто.

Олеся Иванна смотрела на нее и усмехалась. Она всегда так усмехалась, и, когда говорила, казалось, будто она усмехается, всегда у нее уголки рта ползли вверх, и мужчинам это нравилось, особенно Петру.

– Не влюбилась ты?

– Вот еще. – Комарова нахмурилась, откусила еще печенье, провела ладонью по прилавку, смахивая крошки.

– А пора бы.

– Вот еще, – упрямо повторила Комарова.

– Что, и не целовалась еще ни с кем?

Вот пристала. Ей-то какая разница?!

– Неужто не целовалась? Что, и не хотелось ни разу, как в фильмах показывают? – допытывалась Олеся Иванна.

– У нас телевизора нет, – буркнула Комарова.

Иногда, когда они дружили, Светка звала Комаровых смотреть на стареньком цветном телевизоре Sony «Элен и ребята», где девочки были возраста примерно бесстыжих сестер Каринки и Дашки, у каждой был парень и они только и делали, что сидели в кафе, играли в рок-группе и целовались, и Ленка каждый раз при этом чуть не подпрыгивала от радости, но Комаровой фильм не очень нравился, потому что непонятно было, когда Элен и ребята учатся, ходят в магазин или подметают пол, и ей эта их жизнь, состоящая из одних удовольствий, казалась сплошной выдумкой. К тому же дружили Комаровы со Светкой не часто, все больше кидались друг в друга репьями и выдумывали прозвища пообиднее.

– Ну нельзя же так, Катя...

Комарова пожала плечами. По прилавку вяло ползала муха, уже искавшая, где бы уснуть на зиму. Комарова бессмысленно уставилась на нее. Муха нашла какую-то крошку, обхватила передними лапками и тщательно облизывала.

– Я в твоём возрасте уже вовсю с парнями гуляла. Матери, что ли, боишься?

Шугануть эту муху или пусть так сидит? Мать Олесю Иванну не любила и никогда ничего у нее не покупала, ходила в магазин на другой конец поселка или на станцию. Когда однажды Комарова с Ленкой раздобыли в ларьке у станции просроченную губную помаду и намазались, мать схватила их обеих за волосы, потащила к рукомойнику и долго терла им лица куском хозяйственного мыла – мыльная вода щипала им глаза, они вырывались, но мать держала крепко, повторяя: «будете знать у меня, будете знать, как пример брать с этой шалавы из сельпо», а потом схватила с полу тряпку и вытерла Комаровой этой тряпкой лицо; Ленка, пока мать наклонялась за тряпкой, вывернулась и удрала на улицу.

Комарова махнула рукой – муха бросила крошку, покружила над прилавком и снова куда-то села.

– Не боюсь.

– Я своей боялась, она у меня строгая была, – усмехнулась Олеся Иванна. – Драла нас с братом почем зря. Один раз со злости кипятком ошпарила. – Она приподняла подол длинной юбки: на белой ноге под капроновым чулком виднелось большое красное пятно. – Вон как. До сих пор не зажило.

– Это она вас за что?

– А не помню, – снова усмехнулась Олеся Иванна. – Может, и за это самое, а может, за что-то другое. Теперь-то уже не спросишь.

Комарова посмотрела на Олесю Иванну и ничего не сказала. Хорошо мухе: забьется в какую-нибудь щелочку и уснет до весны. Дверь скрипнула, приоткрылась, и в магазин просунулась белобрысая Ленкина голова. Увидев сестру, Ленка улыбнулась и шмыгнула носом.

– А это я так, просто. Здравсьте, Олесь Иванна.

– Заходи, что ты там встала?

Ленка открыла дверь настежь и зашла. Помещение наполнилось желтоватым солнечным светом и запахом сохнущего на полях сена. Все-таки мало ей было хворостины, шляется без дела – нет чтобы с мелкими посидеть или в доме прибраться.

– Ну, чё тут как?

– Как-то так, – буркнула Комарова.

– А ты тут как? – поинтересовалась Ленка, как будто не видела сестру по крайней мере несколько дней. Значит, проснулась ни свет ни заря и лежала мордой в подушку, притворялась – ждала, когда Комарова уйдет, чтобы увязаться следом.

– Да вот так, – припечатала Комарова. – Покупать чего-нибудь будете?

Ленка нерешительно подошла к прилавку, запустила руку в карман, достала пригоршню мелочи и высыпала в блюдечко возле кассы:

– Жувачку.

Комарова уставилась на тускло поблескивающие монеты:

– Это у тебя откуда?

– Батя дал, – быстро ответила Ленка и опустила глаза.

Олеся Иванна усмехнулась.

Комарова потрогала монеты пальцем. Они тихо звякнули друг об друга. Один рубль пятьдесят копеек.

– Врешь.

– И совсем я не вру. – Ленка глянула на Олесю Иванну, как будто ждала, что та подтвердит, что батя дал ей мелочи на жвачку. Но Олеся Иванна молчала. – Ну продай жувачку, ну Ка-ать... – заканючила Ленка. – Тебе чё, жалко, что ли?

– Жалко. Ты где их сперла?

– И совсем я не сперла, – почти прошептала Ленка и еще ниже опустила глаза.

Сейчас разревется. Комарова опять потрогала монеты и тоже посмотрела на Олесю Иванну. Один рубль пятьдесят копеек – батя, может, и не заметит. А может, и заметит. И ведь немного совсем. Вспомнилось красное пятно на ноге у Олеси Иванны. Комарова посмотрела на Ленкины ноги – сегодня хоть обулась. Она отодвинула блюдце к краю прилавка.

– Олесь Иванна... из моей зарплаты вычитите.

– Да ну тебя, Катя, что там вычитать?

– Вычитите, – повторила Комарова и поглядела на Ленку.

Та сделала вид, что не заметила.

Олеся Иванна пожала плечами и наклонилась над картонной коробкой с жевательными резинками.

– Тебе какую?

– «Лав из»! – нетерпеливо пискнула Ленка. – Синенькую!

Олеся Иванна выбрала из россыпи синенький кубик и протянула Ленке. Та тут же его развернула, сунула в рот и стала разглядывать вкладыш. У нее в шкафу на верхней полке целая коллекция этих бумажек. Комарова как-то раз полезла на эту полку и рассыпала их – Ленка ползала потом по всей комнате на коленях, ныла, что какой-то из вкладышей потерялся, и потом два дня с Комаровой не разговаривала.

– Любовь – это... Ну во-от... у меня такой уже есть.

– Деньги заberi.

Ленка послушно сгребла мелочь в карман.

– И положи туда, откуда взяла.

– Ла-адно...

– Ты меня поняла?

– Да положу, положу я, чё... делов-то...

Ленка шмыгнула носом и снова бросила взгляд на Олеся Иванну. Вернет – не вернет? А если батя заметит, то всыплет ей, и Ленка побежит прятаться от него в сарае или в огороде, который одно название: заросли одичавшей смородины и малины, туда и сунуться страшно. Ленка говорит, что видела там змею, хотя, наверное, врет. Далеко на станции загудел и загрохотал товарный поезд, ветер качнул неплотно прикрытую дверь, она заскрипела, потом открылась широко, и в магазин вошла Татьяна, впустив в помещение новую порцию солнечных лучей. Увидев Комарову и Ленку, она улыбнулась, но Комаровой тут же вспомнился потерянный Ленкой платок, и она насупилась, отвернулась и сделала вид, будто читает этикетки на товарах. «Хлеб Дарницкий», «хлеб ржаной», «мука», «макароны», «молоко сухое», «молоко сгущенное». Ленка как ни в чем не бывало подскочила к Татьяне:

– Здрасьте, тетя Тань!

Татьяна наклонилась и провела ладонью по невымытой Ленкиной голове:

– Здравствуй, раба Божия Елена.

Олеся натянуто улыбнулась:

– Привет, Танечка!

Опять за сгущенкой пришла. Чай они пьют со сгущенкой, не могут с сахаром, как все нормальные люди. Сергей двенадцать лет назад привез Татьяну из Заполья; это Заполье было совсем глухой деревенькой, со всех сторон зажатой лесом; поезд там останавливался раз в сутки. Церкви в Заполье не было, и, когда понадобился священник, вызвали тогда еще совсем молодого Сергея, у которого едва пробивались над верхней губой русые усики. Татьяна была вся беленькая, чистенькая, и с того времени, кажется, почти не изменилась, только раздалась немного вширь. Олеся Иванна скривила губы. Небось тоже до свадьбы ни-ни. За сгущенкой она пришла.

– Две банки сгущенки, будь добра, Олеся Ивановна. И конфеток каких-нибудь.

Конфеток ей еще. Вырядилась, как на праздник. Она вроде поет в церкви – говорят, красиво. Олеся Иванна ни разу не слышала.

– Каких тебе, Таня?

– А какие получше... – Татьяна заметила спрятавшуюся в угол Комарову. – Ты, Катя, какие конфеты любишь?

– Не знаю. «Коровки», – пробормотала Комарова.

– Вот, «Коровок» грамм триста...

– А я жувачки! «Лав из»! – встряла Ленка.

– И парочку «Лав из»... – задумчиво повторила Татьяна.

– Ну, Ленка... – сквозь зубы прошипела Комарова.

Ленка посмотрела на нее и похлопала белесыми ресницами.

– И чаю крупнолистового... – добавила Татьяна.

– Сколько тебе упаковок?

– Одну... нет, давай лучше две.

Вот интересно: она бесплодная или ее Сергей? Нинка говорила, она с чертом спит, оттого и нет детей. Ну куда этой – с чертом? Олеся Иванна поправила упавший на лоб тугой темный локон. Татьяна порылась в сумке, достала список покупок, пробежала глазами.

– Пачку муки, яиц десяток – только если наши, оредежские...

– Наши, наши, – кивнула Олеся Иванна. – Сегодня привезли.

Комарова поморщилась. Никаких яиц сегодня не привозили. Водки Петр привез два ящика и несколько коробок печенья и сразу же уехал в Суйду; Олеся Иванна стояла, прислонясь к задней двери магазина, глядела на Петра, разгружавшего машину, и задумчиво перебирала оборки кофты.

– Ой, печенья же еще! – спохватилась Татьяна. – К нам же мама из Заполя придет.

– Возьми лучше пряников, Таня. Пряники хорошие.

– Мама печенье любит, – покачала головой Татьяна, – которое с желейной серединкой. Насыпь грамм триста, Олеся Ивановна...

Олеся Иванна ткнула в руку Комаровой пластмассовый совок, и та нагребла в пакетик печенья, стараясь, чтобы попали только целые печенины с круглой красной серединкой. Ленка, получив от Татьяны два кубика «Лав из» и пискнув «спасибо, тетя Тань», уже незаметно удрала.

– Как там, в Заполье-то? – неожиданно для самой себя спросила Олеся Иванна.

– Да как... скучно, – пожала плечами Татьяна.

– У нас, что ли, веселее? Ты же целый день дома сидишь, у вас с Сергием вон даже телевизора нет...

– У вас веселее, – улыбнулась Татьяна. – У нас там один лес вокруг. А у вас речка.

– Да уж, у нас река так река, – согласилась Олеся Иванна. – Коварная только. Каждое лето кто-нибудь тонет. Когда не местные-то... не зная броду, не суйся в воду. Раньше говорили, в ней русалки водятся.

– Русалки? – удивилась Татьяна.

– Ну, утопленницы.

Татьяна чуть побледнела:

– Да я и не купаюсь. Так только...

Олеся Иванна собрала Татьянины покупки в большой пакет, выставила на прилавок.

– Вот. Что-нибудь еще?

Все-таки жалко ее. Если бы дети – она бы с ними возилась целыми днями, сидела бы как наседка с цыплятами. А баба крепкая, ей бы рожать и рожать. Сидит целыми днями дома, вышивает, слушает, как за окнами лес шумит, – в Заполье ей, гляди, скучно было. И на сторону сходить не посоветуешь – обидится.

За дверью тренькнул велосипедный звонок, раздался громкий смех. Комарова прислушалась. Нет, не Максим. Сердце вдруг застучало и полезло куда-то вверх, и она отвернулась, испугавшись, что Олеся Иванна или Татьяна что-нибудь заметят. Звонок снова тренькнул – к магазину подъехал кто-то еще. «Два гола им забили», – произнес знакомый голос, и снова засмеялись. Значит, вчера играли в футбол с семринскими и выиграли. Максим такими глупостями не занимается, это все Антон Босой и его дружки. Бабка Марья звала их лоботрясами и говорила, из таких никогда не вырастет ничего путного: раньше партия знала, что с такими делать, а теперь партии нет и никто не знает. Дверь распахнулась, в магазин сунулась конопатая физиономия с зажатой в зубах беломориной.

– Здравсья, Олесь Иванна!

– С папирсой нельзя, Тоша, докури на улице.

Антон ловко перекатил беломорину из одного угла рта в другой, нагло глянул в вырез кофты Олеси Иванны.

– Шас сделаем.

«Уехали, как обосранные», – послышалось из-за двери. Татьяна вздрогнула, полезла в сумку за деньгами. Это они нарочно, чтобы она слышала. Дверь снова открылась, зашел Антон и с ним двое: один был Стас, который жил очень далеко, на другом конце поселка, где-то возле биостанции, а второго Комарова не знала – он, наверное, был из Семрино. Губа у него была сильно разбита, и в углу рта черным запеклась кровь.

– Пачку «Беломора». – Антон вытащил из кармана две смятые трехрублевые бумажки, бросил на блюдечко, подмигнул Татьяне.

– Давно не виделись, тетя Таня.

Татьяна, потупившись, отсчитала деньги, положила на прилавок, взяла свой пакет.

– Так ведь ты в церковь не ходишь.

– В церковь же с папиросой нельзя.

Стас и незнакомый парень засмеялись. Татьяна залилась краской.

– Сумка-то у вас тяжелая? Помочь донести?

– Совсем не тяжелая. – Татьяна смущенно улыбнулась. – Спасибо, Антоша, я как-нибудь сама.

– Стас, помоги тете Тане.

Стас шагнул к Татьяне, забрал у нее пакет, она обернулась к Олеся Иванне и Комаровой, попрощалась и вышла в распахнутую Стасом дверь, – он был такой высокий, что едва не задевал головой притолоку, и потому сильно сутулился, а в футбольной команде был вратарем и стоял в воротах почти неподвижно, широко расставив длинные ноги, раскинув руки и поблуды наклонив голову.

– Какой ты у нас джентльмен, смотри-ка. – Олеся Иванна протянула Антону пачку «Беломора».

– Красивая баба Татьяна. Только дура.

– Она тебе хорошо в матери годится.

– В матери – это вы перегнули, Олеся Иванна.

Олеся Иванна ухмыльнулась. Антон вдруг перегнулся через прилавок, ухватил ее за плечи, притянул к себе и поцеловал прямо в губы. Семринский парень криво улыбнулся разбитым ртом.

– А вы, Олеся Иванна, и красивая, и умная.

– Зато ты дурак. – Олеся Иванна махнула рукой, едва не задев Антона по лицу. – Вот подожди, Петя вернется...

– Испугали ежа голой жопой. – Он отпустил ее, вытер рот тыльной стороной ладони, обернулся на Комарову. – Чего, Комарица?

– Ничего. Шел бы ты...

– А, вот ты, значит, как... – Антон лыбился, и видно было, что с левой стороны у него недостает двух передних зубов: одного совсем нет, а от другого торчит маленький треугольный осколок.

– Это вы в нашем штабе колючей проволоки набросали?

Комарова только теперь заметила на руках у Антона несколько длинных царапин – тонких, с рваными краями. Штаб у него и его гоп-компании был под железнодорожным мостом – отсюда километра три, быстро не сбегаеть.

Комарова отрицательно мотнула головой:

– Очень надо.

– Не ври, мелкая. Кроме вас некому. – Антон уже не улыбался, и глаза его, водянистые, с россыпью темных крапинок вокруг зрачков, смотрели зло.

– Тоша, отстань от девочки, – вступилась Олеся Иванна.

Антон дернул плечом, будто сгоняя муху, наклонился, уперся ладонями в прилавок:

– Кто тогда, если не вы?

Комарова опустила глаза и пробормотала себе под нос:

– Я тебе не мелкая, говна кусок.

Антон вздрогнул, сжал кулаки так, что костяшки пальцев стали белыми. Отец его тоже бьет, таскает за кудрявые, цвета лежалой соломы волосы. Антон кусает губы в кровь, но молчит. Он и когда дерется тоже молчит.

– Каринка с Дашкой вас у станции видели у моста. У моста вы что делали?

– Врут они всё. Слушай больше.

Антон ухмыльнулся:

– Врут, значит?

– Врут, – уверенно повторила Комарова.

– Значит, врут? А это вот что такое? – Антон запустил руку за пазуху, вытащил белый шерстяной платок, бросил на прилавок. – Ну?

Комарова устала на платок. Во рту было сухо, и казалось, что язык покрылся паутиной и прилип к нёбу. Мало Комарова молилась Николаю Чудотворцу и мало лупила Ленку по голым ногам хворостиной.

– Ну? Что молчишь, Комарица?

– Ну платок. И что? – наконец выговорила Комарова.

– Скажешь, не твоей сестры?

– Тоша, ну перестань, ну нахулиганили девочки по глупости... – еще раз попыталась вступить за Комарову Олеся Иванна.

Антон снова дернул плечом и не ответил. Семринский парень смотрел на Комарову с любопытством и как будто с сочувствием, или так только казалось из-за его разбитой губы. На улице лаяли собаки, на станции свистнула электричка, прошла без остановки – на Великие Луки или на Лугу.

– Ну что? – Антон поднял платок двумя пальцами, потряс у Комаровой перед носом. На платке были нарисованы большие розовые и синие цветы. Уголок у него был надорван – значит, зацепился за проволоку, а Ленка, дура, не заметила. Вот дура... Антон бросил платок, сжал костистый кулак. При Олесе Иванне драться не полезет. Комарова взяла негнущимися пальцами платок с прилавка.

– Это мой. Ленка вчера весь день на хозяйстве была, я одна все...

– Что, думала, не узнаю?

– Думала, не узнаешь, – тихо ответила Комарова.

Комаровых мальчишки никогда особенно не трогали – разве что по мелочи, потому что те были местные. Городских они мучили нещадно: парней просто били, девчонкам бросали в волосы репы, задирали юбки, не давали прохода, и многие на следующий год не приезжали снимать в поселке дачу. Комарова сделала шаг назад, и в спину ей уперлись полки с продуктами. Он не отстанет теперь. Если сейчас ничего не сделает – сделает потом. Однажды они поймали Светку и затащили в пещеры – за железной дорогой студенты с биостанции копали берег, искали какие-то прошлогодние ракушки. Светка, так за все годы и не научившаяся плавать, просидела там целую ночь, боясь войти в воду, продрогла и потом до конца лета ходила простуженная, и Комаровы дразнили ее сопливой.

– Это ты зря думала.

Дверь скрипнула, и Антон обернулся.

– Добрый день, Олеся Ивановна.

Максим! Комарова привстала на цыпочки и помахала ему рукой. Максим пожал Босому руку, кивнул Комаровой. Максим был из местных, но держался всегда особняком; большинство его сверстников уехали в город – кто учиться, кто работать, а он остался в поселке, учиться не пошел и устроился путевым обходчиком на станцию. Он был высокий, широкоплечий, кра-

сивый и в отличие от остальных почти не пил, и странно было, что он не уехал и не нашел себе другого занятия. Женщины говорили про Максима, что он всем хорош, только от жизни как будто ничего не хочет, а когда его спрашивали, почему так, он либо отмалчивался, либо отшучивался.

– Дай пачку «Беломора».

Комарова прежде Олеси Ивановны бросилась к полке с сигаретами и папиросами, быстро ухватила из стопки бело-синюю квадратную пачку и протянула Максиму. Он взял, открыл, достал одну папиросу, помял патрон и сунул в рот, не закуривая.

– Охота вам всем этой паклей травиться, – усмехнулась Олеся Иванна.

Максим улыбнулся:

– Умная ты женщина, Олеся, а простых вещей не понимаешь.

Комарова засмеялась было, но встретила злой взгляд Антона и притихла.

– Ладно, Комарица, потом с тобой поговорим. Бывай, Макс.

Антон хлопнул по протянутой руке Максима, подмигнул Олесе Иванне. Она задумчиво накручивала на палец завитой локон. Семринский парень боком протиснулся в закрывающуюся дверь. На станции снова засвистела электричка, глухо застучала по рельсам.

– Вон как стучит. Летом так не стучали.

– Это почему?

Максим поглядел на Комарову, ответил не сразу.

– В тепле металл расширяется, стыки делаются плотнее. – Он вынул изо рта папиросу, помял ее еще пальцами. – Батю твоего сегодня видел.

– Пьяный был, что ли?

– Ну...

Максим постоял немного, как бы раздумывая, не нужно ли купить чего еще, сунул руки в карманы джинсов. Комарова отвернулась, поправляла что-то на полках, прикрепила кнопкой упавший на пол ценник.

– Там на станцию товарняк пришел, вагонов триста...

Комарова быстро обернулась:

– Да ладно!

– Ну да. Приходи завтра утром, посмотришь.

– А не уйдет до завтраго?

– Куда он денется...

Максим глянул на Олесю Иванну: та сидела на своем стуле, покачивала ногой и усмехалась непонятно чему – вот за что эта баба всем нравится? На памяти Максима два женатых мужика к ней ходили – весь поселок знал, и жена одного из них прибежала в магазин и кричала, что Олеська – змея и проститутка, а потом схватила с прилавка пакет с сахаром и бросила ей в морду.

– Завтра утром приду, – сказала Комарова и тоже обернулась на Олесю Иванну.

– Пойди, Катя, пойди, посмотри на поезд, а сюда приходи к двенадцати.

После обеда покупателей стало больше, а к закрытию – магазин закрывался в пять тридцать – выстроилась небольшая очередь, так что Комарова, торопясь помочь Олесе Иванне, чуть не опрокинула на себя лоток с хлебом. Отпустив последнего покупателя – это оказался незнакомый Комаровой парень, должно быть, тоже из семринских или из сусанинских, приехавших вчера смотреть футбольный матч, – Олеся Иванна закрыла дверь на большую, покрытую рыжими пятнами щеколду.

– Ну что, устала, Катя?

– Да не, ничё так. – Комарова подняла руки, потянулась. В сгибах локтей заныло.

– Ты пойди, посмотри завтра на поезд-то. А сюда приходи к двенадцати, я тут без тебя справлюсь. – Олеся Иванна подмигнула, взмахнув густо накрашенными ресницами.

Комарова сунула руку в карман – там было пусто: с утра, боясь опоздать, она впопыхах забыла взять с собой самокрутку, оставила на столе в комнате. Ленка, значит, скурила...

– Олеся Иванна...

– Чего тебе еще?

– Можно я одну беломорину возьму?

– Куда тебе?

В магазине всегда имелась открытая пачка «Беломора» или «Примы» – специально, чтобы продавать папиросы в розницу тем, у кого туго с деньгами. Олеся Иванна, правда, в этом случае проявляла щедрость и, бывало, просто угощала папироской нравившихся ей мужчин – они это знали и имели лишний повод заглянуть в магазин. Комарова не ответила, стояла, переминаясь с ноги на ногу. Олеся Иванна вздохнула, взяла открытую пачку с полки, протянула ей.

– Ну, бери... Да бери, бери, но двадцать копеек я с тебя вычту. И платок свой возьми. Накинь на плечи, на улице уже холодно.

Комарова вышла через заднюю дверь, вспомнила, что забыла попросить спички, покрутила папиросу в пальцах и сунула в карман. Солнце стояло еще высоко, но светило тускло, по-осеннему, и правда было немного зябко. Комарова поежилась и плотнее укуталась в платок. Ну, Ленка... всегда же по кустам ползает... спешила, значит, бежала дорогой, и бесстыжие сестры ее видели и донесли Босому... вымазать бы им все окна свиным навозом. Бабка говорила, так раньше делали, двери и окна свиным навозом мазали, чтобы все знали: здесь живет бесстыжий и дрянной человек. Комарова перешла центральную дорогу и побрела тропинкой вдоль обочины. Кто-то окликнул ее – она не остановилась и ускорила шаг.

– Да постой же ты, Комарица!

Комарова побежала.

– Да стой ты уже!

Стас догнал быстро, забежал вперед и встал, раскинув в стороны длинные руки и наклонив голову, как бы собираясь бодаться. В кусты, потом через канаву, на боковую улицу... она сделала маленький шаг вбок. Стас дернулся, будто хотел ее схватить.

– Да стой ты. Я тебе ничего не сделаю.

– Чего тебе?

– Да ничего.

– Тогда чего бежал?

Он молчал, смотрел исподлобья, жевал длинный стебелек тимopheевки: из всех парней Стас единственный не курил. Продолговатый колосок мелькал в воздухе справа налево, вверх-вниз...

– Быстро бегаешь для девчонки.

– И чего?

– Что ты заладила: чего да чего...

Это он небось от Татьяны только возвращается: Сергей живет на другом берегу, да и Татьяна сразу никогда не отпустит, сначала чаем напоит. Добрая она, Татьяна.

– Слушай, Комарица...

– Ну, чего тебе?

– Да что ты опять заладила? – Он выплюнул тимopheевку, снова молча уставился.

– Ты руки-то опусти, что ты стоишь как дурак?

Стас послушно опустил руки, сунул большие пальцы под потертый кожаный ремень.

– Слушай, Комарица... Босой вам обеим головы поотрывает.

Те, кто с Антоном водились, Босым его обыкновенно не называли, и сам он это прозвище сильно не любил, потому что получил его, когда однажды отец погнал его за водкой в одних трусах и футболке, а стоял уже ноябрь, и деревья тянули к сыпавшему дождем небу

черные ветви. Кто первым обозвал Антона Босым, давно забылось, но прозвище прилепилось намертво.

– Знаю. И чего теперь?

– Ничего ты не знаешь, Комарица.

– Так скажи!

Стас поджал губы, опустил голову еще ниже.

– Ну? Скажешь или нет?..

– Слушай, Комарица...

– Никакая я тебе не Комарица. Екатерина я. Раба Божия Екатерина. Понял?

– Понял, – нехотя ответил Стас, не поднимая головы.

Комарова шагнула к нему:

– Пройти дай.

Он отступил, пропуская ее. Комарова свернула на узкую улочку, спускавшуюся к реке, и вскоре скрылась за частоколом заборов и мельтешением по-вечернему густых теней листвы. Стас постоял еще немного, повернулся и зашагал к станции. Вот ведь упрямая девка – слова не дала сказать. Он сорвал росшую на обочине травинку и зажал между зубами. Раба Божия Екатерина! Было досадно. Он-то с ней по-человечески...

От реки тянуло прохладой и пахло тиной. Комарова осторожно спустилась по деревянным ступенькам к длинному мостку – вода стояла высоко, и мосток как бы лежал на ней. Комарова уселась на шершавые доски, скрестив ноги. Река была темной и казалась густой, как кисель, на середине ее медленно кружилось несколько небольших воронок. В этом месте, говорили, был омут, и даже местные не решались здесь купаться: как-то раз Комарова, полоща белье, поскользнулась и полетела в воду, и течение, неожиданно сильное, потащило ее на глубину. Противоположный берег, сложенный из полос красной глины и песка, был весь изрыт ласточками: то из одного, то из другого отверстия то и дело высывались черные птичьи головки, что-то пищали и тотчас юркали обратно.

– Чё, сидишь тут?

Она обернулась: Ленка продиралась откуда-то сбоку, из приречных зарослей. Волосы ее были растрепаны и торчали прядями в разные стороны, в них застряли сухие травинки и листики.

– Чё, сидишь? – повторила Ленка и шмыгнула носом.

– Сижу.

– А я думаю: ты – не ты?

– Кому еще?

Прошлым летом они видели здесь русалку: голая девка, по пояс в воде, локтями оперлась на мостки и делает бусы из кувшинок, совсем как обыкновенные девчонки (сколько раз Комарова сама делала такие же Ленке), – надрывает ногтем круглый стебель, надламывает его так, чтобы осталась только перемычка тонкой плотной кожицы, чуть оттягивает кусочек стебля вниз – кожица легко отстает от него, – потом снова надламывает стебель и снова тянет, уже с противоположной стороны, так что выходят две аккуратные нити зеленых бусин. Сделала, накинула на шею, погляделась в воду, засмеялась и ушла в глубину.

– Я тебе тут вот...

Ленка пошарила в кармане, вытащила самокрутку и спичечный коробок, протянула Комаровой. Та стащила с плеч платок, скомкала в кулаке, ткнула Ленке в физиономию:

– Это что такое?!

– Ой, это же платок мой. Где нашла?

Комарова выхватила у Ленки самокрутку, зачиркала спичкой. Кувшинки давно отцвели и погрузили в воду кубышки с семенами – на поверхности покачивались только круглые листья.

– Ну Кать, ты чё?

– Я тебе сейчас за твое «чѐ» по лбу дам.

– Да ну чѐ?

Комарова размахнулась и влепила Ленке затрещину. Ленка отшатнулась, сжалась, закрылась руками.

– Ну?! Знаешь, что нам теперь за это будет?

– Да чего... – Ленка шмыгнула носом, убрала от лица руки. – Чего они нам сделают... – Она осторожно подняла упавший платок, накинула на плечи и завязала узелком на груди.

Комарова вздохнула и отвернулась. Река, ко всему равнодушная, плескала и булькала что-то свое, пенилась, кружила какие-то палочки, щепочки, листочки, несла их в Лугу, а из Луги – в залив. И Комарову она тогда подхватила так же легко и так бы и несла, кружа и играя, если бы платье не намокло и не потянуло ко дну. Комарова бросила в воду недокуренную самокрутку, вода завертела ее и понесла прочь.

– Ленка...

– Чѐ... чего такое?

– Ты правда хочешь в город уехать?

– А то...

– Кому ты там нужна, в этом городе?

– Выйду за городского и уеду.

Комарова помолчала, потом сняла туфли и носки, уселась на край мостка и опустила ноги в воду – они тут же онемели по самые колени. Комарова попробовала пошевелить пальцами и не поняла, получилось у нее или нет.

– За городского ты выйдешь... у тебя и трусов-то приличных нет.

– Будут. – Ленка шмыгнула носом. – Ты не простудись, чѐ ты села-то...

Комарова подтянулась на руках, вытащила ноги из воды – зябкий вечерний воздух вдруг показался горячим, и она быстро натянула носки и надела туфли.

– Опять ты со своим «чѐ».

– Ну чего тогда... – поправилась Ленка.

– Дура ты все-таки.

– Ну чѐ... какая есть.

Ленкины слова вдруг показались смешными, и Комарова рассмеялась. Ленка подхватила, и они смеялись долго, хватаясь друг за друга руками, потом переставали и снова начинали смеяться, пока дыхание не стало сбивчивым и прерывистым, как после долгого бега.

На обратном пути сделали большой крюк, дошли до пожарки – старой, давно разрушенной пожарной части, от которой остался только фундамент, две стены и печная труба, и накопали топиамбура; топиамбур уже отцвел, но кое-где покачивались еще на тонких стеблях золотистые цветки с длинными лепестками. Клубни сразу съели, тщательно обтерев подолом Ленкиного платья – они были холодные, хрусткие и чуть сладковатые. Ленка присела на корточки, поковырялась в земле, вытащила еще несколько маленьких клубней.

– Оставь, куда их...

– Пригодятся. Мелким отдам.

– Оставь... весной прорастут.

Ленка с сожалением поглядела на клубни, покатила на ладони, потом закопала обратно и похлопала по земле ладонями.

Домой вернулись, когда уже темнело. Батя поджидал их на крыльце: сидел верхом на перилах, свесив ноги по обе стороны, – Ленка тоже так часто сидела. Перед ним была полупустая бутылка пива; увидев Комаровых, он отхлебнул из бутылки, слез с перил, неуклюже перекинув ноги на одну сторону, встал, пошатываясь, ухватился за дверную ручку. Он был высокий и в молодости красивый, и даже теперь волосы его оставались густыми и в них не было

заметно седины, но лицо было испитое и все как будто состояло из морщин и красноватых припухлостей. Ленка попятилась, спряталась за спину сестры.

– Прибьет, – шепнула Ленка. – Я же деньги-то...

Батя начал осторожно спускаться с крыльца, хватаясь за перила обеими руками и боком переставляя ноги. Ленка схватила Комарову за рукав, потянула. Комарова сделала шаг назад.

– погоди...

– Прибьет, – еще тише повторила Ленка и потянула сильнее.

– Да погоди ты...

Комарова стояла и пялилась на батю в каком-то оцепенении. Перед глазами снова появилось красное пятно на ноге Олеси Ивановны, потом пропало. Слова Ленки слышались как будто через плотный туман.

– Ка-ать!

Комарова встряхнула головой, чтобы разогнать туман, повернулась, схватилась за щеколду калитки, дернула ее не в ту сторону, и калитка закрылась. Ленка мешала, тормозила и вдруг куда-то пропала: батя, ухватив ее одной рукой за тонкую шею, другой за плечо, оттащил в сторону и ударил головой о заборный столб. Комарова рванула щеколду, та шершаво проехала по пальцам, калитка закрипела и от пинка распахнулась настежь.

– Пусти! Батя, пусти, больно! – верещала Ленка, пытаясь вывернуться.

Половина лица у нее была залита кровью, и широко раскрытые глаза в сумерках казались белыми. Лорд выскочил из конуры и залаял, подпрыгивая и звеня цепью. Батя рванул Ленку за плечо, и Комаровой показалось, что Ленкины ноги на какую-то секунду оторвались от земли, схватил за растрепанные волосы, повернул и еще раз ударил головой о забор. Ленка заскулила. Комарова бросилась к батю, изо всех сил заколотила его руками по спине:

– Пусти ее, убьешь, пусти, сволочь! Убьешь!

Он покачнулся, навалился на Ленку, прижимая ее к забору, но уже отпустил, и Комарова, схватив Ленку за руки, потянула ее на себя. Батя попытался пихнуть Комарову локтем в живот, но не попал: она увернулась, побежала к калитке, таща за собой вдруг ставшую ужасно тяжелой Ленку. Трава сухо шелестела под ногами. Комарова обернулась: батя за ними не гнался и сидел неподвижно, привалившись спиной к забору.

На центральной дороге было пусто, но Комаровы все равно спустились на тропинку и пошли вдоль заборов, за которыми было уже тихо, и только иногда, услышав их шаги, тявкала какая-нибудь собака, или кошка, сидевшая неподвижно на заборе, спрыгивала в кусты. Ленка шла, пошатываясь, сложив руки на груди и низко опустив голову, так что слипшиеся волосы почти закрывали лицо, и время от времени тихонько всхлипывала.

– Молчи, – шикнула на нее Комарова, – молчи.

Они свернули на узкую дорожку, обошли пригорок, на котором стояла церковь; в темноте ее было почти не разглядеть, только черный силуэт с крестом стоял неподвижно, как будто нарисованный на небе черной краской. За церковью дорожка полого спускалась к реке, Комарова взяла Ленку за руку, и они пошли осторожно, отодвигая лезущие в лицо метелки камыша. В камышах непрерывно что-то шуршало, тонким голосом вдруг закричала потревоженная птица и невидимо порхнула из зарослей. Под ногами было скользко: этим путем к воде часто спускались коровы, возвращавшиеся с выпаса, и взрыхляли влажную землю широкими копытами. Дойдя до берега, Комаровы присели на корточки, и Катя, зачерпнув горстью холодной, пахнущей тиной воды, плеснула Ленке в лицо.

– Холодно! – взвизгнула Ленка.

– Терпи... куда ты пойдешь с такой рожей?

– Холодно, – повторила Ленка и захныкала.

– Ну, не реви, до свадьбы заживет.

Ленка сжала губы, еще раз сдержанно всхлипнула, вздрогнув всем телом, и вдруг громко и протяжно завывала. Комарова обхватила ее за плечи, крепко прижала к себе. Ленка ткнулась мокрым лицом ей в шею, и за шиворот Комаровой потекли ее теплые слезы. Она встала, потянув Ленку за собой, и они постояли недолго обнявшись, а потом медленно побрели обратно, выбираясь из камышей.

К Сергию идти было далеко: нужно было пройти еще немного в сторону станции, перейти по деревянному мосту на высокий берег реки и там еще два километра – слава богу, прямой дорогой, потому что и при свете дня Комарова не была бы уверена, что не заблудится в той части поселка. Ленка наконец взяла себя в руки и шла молча, только слышно было, как в туфлях у нее при каждом шаге негромко хлюпает.

– Ленка...

– Чё?

– Болит у тебя?

– Да так...

Дошли они, когда темнота уже стала плотной, хоть режь ее ножом, небо затянули тучи, и снова начал накрапывать мелкий дождь. Комарова дернула ручку калитки, с другой стороны зазвенела цепочка, и глухо, видимо, сквозь сон, гавкнула собака.

– Точно здесь?

Как-то раз, когда жива была еще бабка Марья, Комарова загулялась допоздна и пришла домой затемно – бабка стояла на ступенях крыльца, сжимая в руке несколько прутьев, выломанных из старого веника, и, когда Комарова поднималась на крыльцо, изо всей силы отстегала ее по ногам. Потом, когда Комарова уже лежала в кровати, бабка тихо вошла в комнату, присела рядом и положила ей на лоб жесткую, уже чуть дрожавшую ладонь – незадолго перед смертью у нее отчего-то сильно дрожали руки, – и Комарова тогда натянула на голову одеяло, а бабка продолжала гладить ее через одеяло, повторяя: «Ну, прости меня, Катя, прости меня, дуру старую».

– Погоди, заперто...

Комарова потянула на себя калитку так, чтобы в щель можно было просунуть руку, нащупала цепочку, дернула ее вверх и стащила с крючка. Собака снова гавкнула, и Комарова замерла, прижавшись щекой к шершавым доскам.

– Ну, чего?.. Получилось? – нетерпеливо прошептала Ленка.

– Погоди...

Она приоткрыла калитку, взяла Ленку за руку, и они вошли внутрь. Шорох дождя заглушал их шаги, и они быстро пробежали по тропинке к дому – над крыльцом горела лампочка, освещающая недавно покрашенную дверь, расписанную какими-то завитушками и листиками, коврик у порога и две верхние ступеньки. Комарова бросила Ленку, подскочила к двери и принялась стучать обеими руками, так что сразу заболели костяшки пальцев.

– Тетя Таня! Дядя Сережа! Это мы!

Собака наконец проснулась и залаяла густым басом.

– Тетя Таня! Дядя Сережа!

За дверью послышались торопливые шаги, щелкнул замок, и на пороге появилась Татьяна в длинной до пят ночной рубашке. Волосы, которые она обыкновенно носила заплетенными в косу и закрывала платком, были распущены и спускались темными рыжими волнами до самого пояса. Увидев Комаровых, Татьяна тихо охнула и прикрыла округлившийся в удивлении рот ладонью. Затем быстрым движением схватила обеих за плечи и втащила в прихожую.

– Что же это вы! Что же это! – отрывисто восклицала Татьяна, таща их дальше, в кухню, крепко удерживая, как будто они могли убежать обратно в ночную промозглую темень.

– Теть Тань... у нас ноги грязные, натопчем тут у вас.

Комарова глянула на Ленку: руки, ноги, лицо ее были перемазаны густой, начавшей уже подсыхать грязью, платье было порвано, по голове прямо вдоль пробора тянулась глубокая рана с разошедшимися краями. И сама она, скорее всего, не лучше. А про черта-то Нинка выдумала небось за то, что Татьяна рыжая, – говорят, к рыжим пристаёт нечистая сила. В кухне Татьяна засуетилась, вытаскивая из шкафа тазы и наливая в них воду. Комарова огляделась: кухня была меньше, чем у них, но аккуратная и чисто прибранная и всюду были разложены вышитые салфетки и всякие тряпочки, которые – видно было – часто и бережно стирали и разглаживали. Возле плиты стояли миска с водой и блюдечко для кошки, блюдечко тоже было чистое, видимо, Татьяна мыла его каждый раз, как кошка поест.

– Катя, помоги-ка.

Комарова послушно подскочила, оттащила один из тазов на середину кухни, взяла из Татьянинных рук чайник и поставила на плиту. Ленка сидела на стуле, скорчившись и поджав ноги.

– Ну-ка... Сережа мой в отъезде, поехал утром в Куровицы, только завтра вернется.

Пока закипала первая порция воды в чайнике, Татьяна принесла несколько больших махровых полотенец, две пары шерстяных носков и пару рубашек, потом заставила Комаровых раздеться и вымыла обеих в тазу, поливая сверху разбавленной, но все равно слишком горячей водой. Ленка ойкала, когда вода попадала ей на рану, и дергала головой, но Татьяна все равно тщательно все промыла и намазала какой-то мазью с горьким травяным запахом. Потом она укутала сестер в полотенца и напоила чаем, дав к чаю пирога с капустой и яйцом и булки с малиновым вареньем. Сама села напротив, подперев подбородок ладонью. Жалко, что Сережи нет, он бы с ними поговорил, он всегда найдет слово утешения, не зря при нем чуть не половина поселка стала ходить в церковь. Татьяна вздохнула. В лесу плаксиво закричала выпь. Ленка вытянула худую шею и прислушалась:

– Это она к несчастью кричит...

Татьяна широко перекрестилась:

– Что ты, Лена, бог с тобой! К какому еще несчастью?

И скатерть, и занавески на окнах тоже были чистые, без единого пятнышка, как будто их только что выстирали, и за ними просвечивало несколько кустиков красной герани в керамических горшках. Комарова поглядела на Татьяну. Татьяна тоже была чистая. Как говорил батя, «плюнуть и отвернуться».

– Теть Тань... а далеко эти Куровицы?

Татьяна пожала плечами:

– Да не близко...

– Небось и электричка туда не ходит.

– Так слово Божие везде нужно, вот он и ездит... и без электрички, так... бывает, кому по пути, тот подвезет...

Она снова вздохнула и задумалась. Сергей в свободное время обыкновенно либо читал Священное Писание, либо рисовал, а она пристраивалась рядом с вышивкой. С ней он разговаривал немного, только и разговору, что перекрестит трижды на ночь и пожелает крепкого сна. Ленка запихала в рот последний кусок булки с вареньем, облизала пальцы. Старшая Комарова молчала и глядела в окно, как будто хотела рассмотреть что-то в темноте. Вот же – дал Бог людям детей, а на что им? Татьяна потерела пальцами угол скатерти. Дал же Бог людям детей...

– Теть Тань... – Ленка поерзала на стуле.

– Что такое, Лена?

– А вы в городе когда-нибудь бывали?

Комарова вздрогнула, коротко глянула на Ленку, потом снова отвернулась.

– Никогда не бывала, – почему-то смутившись, ответила Татьяна. – Я дальше Сусанина нигде не бывала... А в Сусанине красиво, и церковь там старенькая, с иконами мучениц Веры, Надежды и Любви и матери их Софии, и киот мраморный...

– Угу, понятно, – кивнула Ленка, и видно было, что ей неинтересно. Комаровой захотелось еще раз дать ей по уху.

Татьяна уложила их спать на печной лежанке: дом у Сергея был новый, но в нем стояла громадная, сложенная по всем правилам русская печь. На досуге Сергей расписал и ее, и по всему опечью, трубе и своду тянулся узор: чудные звери и птицы сидели на переплетенных ветках и листьях, ухватившись за них цепкими лапами. На стене Сергей изобразил рыжего кота с круглыми зелеными глазами и свернутым в кольцо хвостом. В комнате было жарко, и печь была теплой: Татьяна топила ее ранним утром, решив, что уже пора. По правде, она всегда ждала холодов, чтобы можно было топить печь хоть каждый день и в ней же готовить: на газовой плите у нее выходило плохо, все никак не получалось приноровиться. Комарова вытянулась под тонким шерстяным одеялом. В доме стояла тишина, только Татьяна пару раз громынула в кухне тазами: она не любила оставлять дом на ночь неприбранным. Ленка лежала у стены на животе, уткнувшись лицом в подушку, и тихо посапывала. Спустя некоторое время Комарова услышала, как что-то тяжело вспрыгнуло на лежанку. Обнаружив на лежанке сестер, Татьянина кошка осторожно прошла по ее краю, понюхала Комаровой лицо, щекочась усами и влажным носом, пару раз ткнулась в щеку, и Комарова, выпростав руку из-под одеяла, погладила ее по выпуклому пушистому боку.

– Хорошая киса, хорошая, – зашептала Комарова, чувствуя, как к горлу подкатывается ком и хочется разреваться – громко, навзрыд, как Ленка. – Хорошая, хорошая киса, добренькая.

Кошка повертелась еще немного, еще потыкалась ей в лицо и шею, потом неуклюже через нее перепрыгнула и ушла спать в ноги. Комарова подвинулась, устраиваясь поудобнее, закрыла глаза, и день вдруг показался ей очень длинным и очень далеким, как будто все произошло не с ними, а с кем-то другим.

3

Проснувшись она ни свет ни заря – Ленка еще спала, с головой накрывшись одеялом. Комарова спустила ноги с лежанки, повисла на руках и прыгнула на пол; босые пятки тихо стукнули о доски, и Ленка что-то застонала сквозь сон. Она на цыпочках пробралась в кухню, съела всухомятку кусок вчерашнего пирога и наскоро умылась – вода в умывальнике за ночь совсем остыла. Платья их висели на спинке стула: Татьяна застирала им подола и зашила прорехи. Комарова быстро оделась, сунула ноги в туфли. Татьяна, наверное, еще спит, не разбудить бы. Сергей ее в Куровицах. Комарова зажала рот ладонью, чтобы не рассмеяться, сама не зная чему. Куровицы – слово смешное, что ли... Небо за окном было чистое, как будто его протерли влажной тряпкой, и розовело на горизонте. Она тихо прокралась по дому, вышла во двор, прошла мимо будки; громадная лохматая собака лежала, высунувшись на улицу и положив голову на лапы; почуяв Комарову, она приоткрыла глаза и тотчас снова закрыла. В поселке всех собак звали либо Шариками, либо Дружками, только у Комаровых был Лорд – это мать так придумала.

– Шарик... – шепотом позвала Комарова.

Пес не отозвался.

– Дружо-ок...

Пес вздохнул, снова приоткрыл глаза и приподнял голову.

– Дружо-ок, хоро-ошая собака...

Поселок просыпался поздно; с рассветом вставали только те, кто держал корову или другую скотину, но таких оставалось все меньше: большинство работали, а летом сдавали дачи и потом полученные за три месяца деньги и заготовки с огорода умудрялись растягивать на весь оставшийся год. Комаровы тоже несколько лет подряд сдавали дачникам второй этаж, пока не вышло скандала: батя напился и пристал к дачнице, студентке из города, и парень этой студентки набил батю морду и спустил его с лестницы. На следующий же день они съехали, а когда мать заводила разговоры о том, что надо бы сдать несколько комнат, батя начинал орать, что больше не потерпит в доме никаких городских, что грязи от них много, а пользы – с гулькин нос.

За домами застучала по рельсам электричка, и Комарова прибавила шаг. Может быть, и права Ленка, что так хочет уехать в город. Если ее причесать, она и на человека будет похожа, никто не скажет, что приехала из поселка. Комарова провела пятерней по голове, поморщилась, случайно выдернув несколько волосинок. Бабка говорила: «Раскрасавицы мои, вот вырастете – все женихи будут ваши». Ленка, тогда еще совсем мелкая, радовалась, а Комарова на «раскрасавицу» злилась и как-то раз отказалась есть сваренную бабкой манную кашу, и бабка, подвинув к ней тарелку, сказала: «Ну ешь, ешь, кикимора моя». Ленка тогда сильно смеялась на «кикимору» и чуть не подавилась. Комарова пнула подвернувшийся под ногу камешек, и он запрыгал по дороге, как живой. Вот распустит она волосы, спутает их колтунами, наденет платье шиворот-навыворот, пойдет на болото к кикиморам и скажет: «Это я, Комарова Екатерина Михайловна, больше никакая не раба Божия Екатерина, а просто Комарица, примите меня к себе» – и останется навсегда жить в лесу...

На станцию Комарова пришла, когда уже совсем рассвело. В поселке соединялось несколько пассажирских и грузовых направлений – можно было подняться на высокий пешеходный мост и увидеть сверху тянущиеся в обе стороны рельсы. Комаровы пытались пересчитать пути и несколько раз сбивались со счета, пока им это не надоело. Путей было много, они то сливались, то снова расходились. На путях отдельно друг от друга стояли электрички и товарняки. Комарова поднялась на платформу: несколько человек рассеянно бродили по ней, другие сидели на деревянных скамейках или прямо на платформе, подстелив что-нибудь из верхней одежды. На самом краю лежала, подобрав под себя лапы, пушистая серая кошка. Комарова присела рядом на корточки.

– Чего, Люська, поезда ждешь?

Кошка не пошевелилась: она была глухая и жила на станции, сколько Комарова себя помнила. Комарова погладила ее и пожалела, что ничего не взяла с собой ее угостить.

– Лежи, Люська, лежи.

Кошка мурлыкнула, дернула ухом, и Комарова еще несколько раз провела пальцами по ее серой, как будто выцветшей от солнца спине.

– Совсем ты старая стала, Люська...

Ее окликнул по имени знакомый голос, и она обернулась: по платформе, широко размахивая руками, шел Максим. Комарова встала, отряхнула подол и помахала в ответ. Максим подошел и пожал ей руку, как парню:

– Ну что, Катя... на поезд пришла посмотреть?

– Не ушел еще?

– Да куда он денется... – Максим поскреб пятерней затылок. – Они тут подолгу стоят, на сортировке. Пока то, пока это...

– Понятно...

Максим хлопнул себя по карманам, досадливо поморщился:

– Папирос нет. Вчера все мужикам роздал.

Комарова вытащила из кармана беломорину, взятую с вечера у Олеси Ивановны. Хорошо, Татьяна не нашла – было бы разговоров.

– Угощаю.

– Вот спасибо.

Максим взял папиросу, помял пальцами патрон, зажал между зубами, щелкнул зажигалкой и с удовольствием затянулся:

– Утро мне спасла, Катя...

Комарова почувствовала, что краснеет, и опустила голову. Асфальт на платформе был старый и кое-где совсем отвалился, так что видны были серые бетонные плиты. Из стыков рос плотный ярко-зеленый мох. Ходят все по этому мху, топчут ногами, и ничего ему не делается, только гуще становится.

– Ну, пойдем, что ли?

Комаровы и раньше с другими ребятами бегали на сортировку смотреть на товарняки, работники станции их гоняли, а одного мальчика из дачников как-то раз даже сдали в милицию за то, что он лазал через сцепку. Родители его наказали и запретили играть с «деревенскими». Вблизи товарные поезда были похожи на громадных спящих животных со страшными мордами, и шедший от них запах гари, смазки, свежеспиленного дерева – те, что шли в сторону города, были по большей части гружены сосновым лесом – смешивался с запахом креозота, поднимавшимся от шпал.

– Это вагон для песка, с открытым верхом, – пояснял Максим, дымя папиросой. – А это – цистерна... в ней нефть возят ну или, например, бензин. Короче, всякий жидкий груз. Сейчас они тут пустые стоят. – Максим стукнул по цистерне кулаком, и она ответила низким металлическим гулом.

– А это?

– Это хоппер. Он для зерна, вот у него внизу вроде коровьего вымени, чтобы зерно сыпать.

Комарова приподнялась на цыпочки, чтобы потрогать цистерну. Максим вдруг обхватил ее обеими руками за талию и легко поднял, так что она чуть не ткнулась носом в давно не мытый, весь в густых желто-черных потеках бок цистерны и, испугавшись, ухватила за руки Максима.

– Да не бойся, Кать, не уроню!

От цистерны шел такой сильный запах, что у Комаровой заслезились глаза.

– Ну, как оно?

Комарова потрогала стенку сначала кончиками пальцев, потом приложила к ней обе ладони: стенка была теплая, шершавая и немного липкая.

– Да ничего так!

Максим опустил ее на землю, улыбнулся. Комарова улыбнулась в ответ. Солнце светило ей прямо в глаза, и видела она только блестящие белым зубы Максима и светящуюся шапку волос на его голове.

– Катя...

– Чего?

– Да так, ничего...

Максим наклонился, растер о рельсу тлеющий бычок. Они прошли между поездами; товарняк, о котором рассказывал Максим, и вправду был очень длинным, и Комаровой, пока шли от его хвоста до плоской железной морды, показалось, что он тянется до следующей станции – в поселке было несколько станций с названиями «Платформа-1», «Платформа-2», «Платформа-4» и «Платформа-5», третьей почему-то не было, и только на «Платформе-1» и «Платформе-2» останавливались пассажирские. Когда поднялись на перрон, как раз подошла электричка. Один мужик спал, сидя враскоряку на скамейке и уронив на грудь голову. Максим подошел к нему, потряс за плечо:

– Твой поезд пришел! Вставай уже!

Мужик открыл глаза, пробормотал что-то и снова провалился в сон. Комарова подошла ближе, дернула Максима за рукав:

– Не трожь его. Проснется – даст еще по роже.

– Я сам кому хочешь по роже дам, – добродушно ответил Максим и показал Комаровой кулак. Кулак был большой, с набитыми на костяшках мозолями. Комарова уважительно присвистнула.

Электричка лязгнула дверями, дернулась и поползла, все быстрее стуча колесами, в сторону города. Кошка Люська сидела на краю платформы, склонив набок голову и перебирая лапами, и сосредоточенно смотрела вслед исчезающему за поворотом хвосту.

– Слушай, Кать...

– Чего?

– Да я так... ничего...

– Да говори, чего там...

– А не обидишься?

– Да нет... чего обижаться?

– Слушай... говорят, твоя бабка в войну партизанкой была.

Комарова вспомнила, как бабка, сидя сгорбившись за столом, макает в чай печенье, и руки у нее трясутся так, что она не всегда доносит размоченное печенье до рта, и кусок с мокрым шлепком падает на клеенку, и как отец таскал ее за длинные седые космы по двору, и Лорд прыгал вокруг своей будки, звеня цепью и заливаясь визгливым лаем. Она отрицательно покачала головой.

– Что, ничего не рассказывала?

– Да говорю же...

– А она у тебя какого года?

– Двадцать шестого.

Максим нахмурился, поскреб пятерней затылок.

– Значит, в войну была девчонкой навроде тебя. Ты б смогла поезд под откос пустить?

Комарова пожала плечами:

– Так ведь если в войну... может, и смогла бы.

– А человека из винтовки застрелить?

Комарова задумалась, потом сказала неуверенно:

– Так ведь если война...

– Вот видишь! – обрадовался Максим. – Значит, была твоя бабка партизанкой и вражеские поезда под откос пускала.

– Это почему это?

– Сама же говоришь – если бы война, смогла бы.

– Так то я, а то моя бабка, – заупрямилась Комарова.

После того как им влетало от бати или от матери, они приходили к бабке в комнату – крохотную, узкую, где помещались только кровать, маленький столик и шкаф с тряпьем. Печки в комнате не было, поэтому осенью и зимой там было холодно, и бабка сидела на кровати в шерстяных носках и валенках и куталась в шерстяное одеяло. Когда Комаровы приходили, она откладывала в сторону вязанье, пододвигалась, чтобы они могли присесть рядом на кровати, и рассказывала что-нибудь из прошлого. Однажды было про какого-то заезжего комиссара, который в нее влюбился и обещал увезти в город, но что-то у них не заладилось, и комиссар уехал один. Комарова с Ленкой представляли себе этого комиссара на коне и с саблей, с орденами и медалями на груди, и каждой хотелось, чтобы когда-нибудь к ней тоже приехал такой комиссар, только Ленка мечтала, чтобы он увез ее в город, а Комарова – чтобы остался с ней в поселке, и они спорили и чуть не дрались, потому что комиссар был один, а их – двое, и, кого из них он бы выбрал, было непонятно.

Про войну бабка не рассказывала, говорила только, что было такое время, когда есть было совсем нечего, и что зимой люди насмерть замерзали прямо у себя в постелях. А про вражеские поезда и про винтовки – не говорила. Ну и что, в позапрошлую зиму дед Иван, живший на самом краю поселка на высоком берегу, тоже помер в своей кровати, и, когда его выносили, он был твердый, как ледышка, потому что печь две недели простояла нетопленной. Комарова вздохнула и поковыряла носком туфли торчавший из трещины в асфальте мох.

– Чего нос-то повесила, Катя? Обиделась, что ли?

Она пожала плечами.

– Да это же почетно – в войну партизанить. Это же... ну... – Максим развел руками.

– Может, и почетно... Она померла давно – какая теперь разница?

– Так люди говорят... интересно же.

– Чего интересно?

– Ну, узнать, как на самом деле было.

– Ничего не интересно, – буркнула Комарова и отвернулась. – Болтают только...

Когда бабка померла и ее хоронили на кладбище возле церкви, кроме двух мужиков, за бутылку вызвавшихся копать могилу, была бабка Женька и две тетки с другого конца поселка, которых Комаровы не знали; эти две незнакомые тетки пришли на похороны, только чтобы поклевать кутьи (кутью сварила Татьяна, не пожалев меда и изюма, и тетки, чего не съели, завернули в платки и унесли с собой). Сергей говорил над гробом какие-то слова, но Комарова не слышала, потому что от слез ей заложило уши, и она стояла, бессмысленно глядя перед собой, и зачем-то думала о тетках, воровавших кутью, и о том, что теперь бабкину комнату завалят хламом.

– Болтают, чего сами не знают...

– Ну ладно, – примирительно сказал Максим. – Ты не обижайся только. Не обижаешься?

– Да не обижаюсь я. – Комарова улыбнулась. – За что обижаться?..

Максим хотел спросить что-то еще, но промолчал. На дорогу он предложил напоить Комарову чаем в домике дежурного по станции, который все называли «зеленым домиком», потому что он был выкрашен всегда свежей зеленой краской: красила его каждое лето тетя Света. Тетя Света, как говорила бабка Марья, работала на станции «со времен царя Гороха» и давно уже была не тетей, а бабкой, но «бабка» к ней так и не прилепилось. Когда Максим с Комаровой вошли в крохотную кухню, тетя Света, отработавшая ночную смену, как раз закипятила воду на плитке и собиралась пить чай. На холодильнике стояло выдавшее виды радио, из которого сквозь потрескивания и электрический шорох Алла Пугачева пела про грозу в городе и расставание с любимым. Увидев Комарову, тетя Света всплеснула руками и прикрутила радио, отчего Пугачеву стало совсем не слышно, а потрескивания и шорох остались.

– Ой, кого привел! Ну, здравствуй, Катя-Катерина!

Она полезла в шкафчик, тоже покрашенный зеленым, нашла чашку, бросила в нее чайный пакетик и залила кипятком.

Максим сел возле окна и тоже заварил себе чаю. При Светке он обыкновенно молчал: из всех баб, работавших на станции, она была самой болтливой, хотя и не самой вредной. Вот сменщица ее, Оля-Коза, та была стерва, и к тому же за свою смену обыкновенно сжирала все неприколоченное, а сама никогда ничего не приносила, за что Светка ругала ее бесстыжей прорвой и однажды отхлестала по спине мокрой тряпкой. Коза за это оговорила Светку начальнику станции, и ту чуть не оштрафовали, но потом все как-то само собой разрешилось. Лучше бы Козу оштрафовали. Светка выставила тарелку с пирожками, накрытую полотенцем, и подвинула к столу табуретку:

– Ну, садись, красавица, что встала?

Комарова уселась, обеими руками подвинула к себе горячую чашку.

– Сто лет тебя не видела, а ты что-то и не выросла совсем, худенькая вон, птичьи косточки торчат. Не кормят тебя, что ли?

– Да кормят, чего... – Комарова вытащила из-под полотенца пирожок и надкусила. Пирожок оказался с яйцом и рисом – тетя Света готовила вкусно, почти как Татьяна.

– Твои покормят, как же! Нарожают детей, а потом дети у них как сироты...

– Теть Света, ну чего вы... – вступился Максим.

– Ой, молчун наш заговорил! – удивилась Светка. – Да не обижу я твою подружку... я же так только...

Светка протянула руку, чтобы погладить Комарову по макушке, но та шарахнулась в сторону, и Светка рассмеялась.

В приоткрытую дверь проскользнула Люська, подошла к тете Свете и уселась у ее ног. Та взяла пирожок, разломилась надвое, наклонилась, крошила перед Люськой прямо на пол начинку. Люська понюхала, шевельнула усами и стала есть. Тетя Света выпрямилась, доела тесто и запила чаем.

– Дома-то у тебя как?

– Да так... – Комарова пожала плечами и вытащила из-под полотенца еще один пирожок. – Так как-то...

– Что, пьянствует отец? – не отставала тетя Света.

– Пьянствует, – нехотя призналась Комарова.

– Бьет вас?

– Да так...

– Да ты сахару, сахару насыпь, что ты без сахару-то... – тетя Света подвинула к Комаровой фарфоровую сахарницу. Комарова наскребла себе сахара, который из-за того, что все лазили в него мокрыми ложками, слипся и откалывался маленькими глыбками.

– Ну так что? Бьет он вас?

– Тетя Света, чего вы к человеку пристали... – снова начал Максим.

– А ты мне не чевокай! – обиделась Светка. – Вчера только вылупился, а туда же!

Комарова размешала сахар, поболтав ложку в центре чашки, как учила бабка Марья, чтобы ложка не стучала о стенки. Тетя Света облокотилась на стол, подперев подбородок ладонями. Своих детей у нее было четверо, все давно уехали в город, жили там семьями и ее к себе особенно не звали.

– А мать как?

– Да тоже как-то так...

– Покойная Марья ее очень любила, – тетя Света вздохнула.

По растрескавшейся оконной раме полз маленький паучок с красной спинкой, таких было много у них на огороде – Ленка называла их земляными клопами и почему-то считала, что от них бывают бородавки. Один раз, когда они сильно поссорились, Ленка насобирала целый коробок этих земляных клопов и высыпала Комаровой на голову, а потом, когда помирились, каждое утро внимательно рассматривала ее лицо, так что Комарова наконец обозлилась и съездила Ленке по уху. Небось спит там еще. Надо было разбудить и сказать, чтобы сразу шла домой и нигде не шлялась и чтобы не вздумала опять заявиться в магазин.

– А начиналось-то у них все как... Отец твой каждую пятницу на мосту стоял, ждал, издали смотрел электричку: как ее увидит, сразу бегом на платформу – встречать. Всегда по пути цветов каких-нибудь нарвет... она с института после занятий прямо к нему ехала, совсем была еще девчонка... ты вот на нее очень похожа.

– Я знаю, теть Света.

– Очень похожа... – задумчиво повторила тетя Света, рассматривая Комарову. – Прямо одно лицо.

Не пойдет она домой, бати забоится. Паучок дополз до угла рамы, встал на задние лапки, помахал в воздухе передними, ища опоры, и ухватился за край кружевной занавески.

– Это она уж когда тобой беременная ходила, он ее бить-то начал... Все хотела уйти, уезжала несколько раз, но куда с ребенком... С ребенком-то никуда... вот так и вышло...

Это Комарова знала, мать много раз говорила, что беременная хотела сбежать от бати или утопиться и даже подолгу стояла на берегу, но так и не решилась: река казалась страшной. Утопилась бы – стала бы русалкой, как все утопленники, жила бы с водяным в самом глубоком омуте и таскала бы под воду дачников. И она, Комарова, родилась бы водяницей – всё лучше, чем кикиморой. Вот Максим пошел бы летом купаться, она бы и его утащила. Комарова поглядела на Максима: тот сидел, закинув ногу на ногу, и рассматривал узор на клеенчатой скатерти.

– Сволочь все-таки ваш отец! – разобидевшись на то, что разговор не клеится, сказала тетя Света. – И Марью он в могилу свел.

Комарова пожала плечами. Мать тоже говорила, что батя бабку в могилу свел, – она бабку любила, а та ее жалела, и когда батя зверел и кидался на мать с кулаками, то крепко обхватывала ее руками и закрывала своим телом, которое чем дальше, тем больше становилось похожим на старое сухое дерево, и тогда батя молотил их обеих кулаками и чем под руку попадется. Вечерами бабка с матерью сидели на кухне, и мать приглушенно выла, что уйдет в одном исподнем куда глаза глядят, а бабка уговаривала потерпеть, ведь у нее Катя, Лена, Ваня, Оля – тогда их было только четверо; уже после того, как бабка померла, родились Аня, Света и младшенький Саня, который все время болел, и мать часто повторяла, что лучше бы он совсем умер.

– Теть Света... мне пора, наверное. Спасибо за пирожки, вкусные очень.

– На дорожку-то возьмишь парочку? – оживилась тетя Света.

Комарова посмотрела в раздумье на несколько пирожков, остававшихся под полотенцем, потом перевела взгляд на Максима и махнула рукой:

– Да ладно. Меня Олеся Иванна чем-нибудь покормит.

– Олеска-то... эта... – тетя Света хотела что-то сказать, но сдержалась.

Когда Комарова с Максимом уже стояли в дверях, тетя Света вдруг спросила:

– Ты уехать-то отсюда не хочешь?

Комарова отрицательно покачала головой.

– Ну и правильно, где родился – там пригодился. – Тетя Света засыпала словами, как горохом, боясь, что не успеет наговориться напоследок. – Вон, Максимка наш... – она дернула подбородком, – сидит на месте, не рыпается. А такого парня где хочешь бы с руками оторвали. Нравится он тебе?

– Ну, тетя Света, вы чего... – обалдел Максим. – Ну это вы даете...

– А чего ты мне чевокаешь? – сразу вскинулась Светка. – Где я неправду сказала?

– Да ну вас совсем! – Максим хлопнул дверью кухоньки и повернулся к Комаровой.

– Ты на Светку внимания не обращай... она вообще добрая, только дура.

– Угу, – глядя себе под ноги, буркнула Комарова.

– Ты не обиделась на меня, Кать?

– За что обижаться?

– Ну... за бабку твою партизанку... – Максим наклонился, пытаясь заглянуть Комаровой в лицо, но она опустила голову еще ниже – в прихожей было сумрачно и не видно было, что у нее горят щеки. – Это же я так просто...

– Угу...

– Ты сама-то дойдешь? – Максим помялся, не зная, что еще сказать, наконец прибавил: – Проводить тебя?

– С чего это еще? Я тебе что, дура из города, дороги не знаю? – вскинулась Комарова.

– Да я так просто... Ну, давай, что ли... – Он протянул руку для пожатия, но Комарова вдруг отвернулась и выбежала на улицу, оставив дверь домика открытой.

Максим в растерянности посмотрел на свою ладонь, потом пошарил по карманам, привычно ища папиросы, вспомнил, что папирос нет, хмыкнул, вышел вслед за уже пропавшей куда-то Комаровой, сорвал травинку и зажал в зубах. Светка, наверное, неделю теперь будет на него дуться как мышь на крупу. И эта тоже... Он сплюнул. Хорошо бы успеть вечером зайти к Олеся Иванне за папиросами – их можно было взять и в ларьке, но хотелось почему-тошний раз увидеть Олеся и посмотреть, как она будет, усмехаясь, накручивать на палец темный локон. Он улыбнулся и сорвал еще одну травинку. Хорошо!

Солнце припекало почти по-летнему, и от намокшей за ночь земли и травы поднимался пар. Комарова наклонилась, поднесла руку к земле, и тонкие, прозрачные усики пара, как живые, потекли между пальцами. Навстречу шло уже довольно много народу – кто на рынок, кто на станцию, кто просто так, «свою дурость людям показать», как говорила бабка Марья. Куда-то топала своим солдатским шагом тетка Нина.

– Теть Нина! – зачем-то окликнула ее Комарова. – Здравствуйте!

Нинка остановилась, оглядела Комарову с головы до ног и буркнула:

– Откуда чешешь, егоза?

– На станции расписание электричек смотрела, – соврала Комарова первое, что пришло в голову. – Сколько сейчас времени, не знаете?

– Одиннадцатый час. И на кой тебе расписание?

И всего только одиннадцатый час – можно было еще полчаса гулять по сортировке, и Максим бы рассказал про всякие другие вагоны, и как они устроены, и как их нагружают зерном или лесом, а некоторые возят живых коров и лошадей – длинные платформы с высокими бортами, пахнет от них лошадиным и коровьим навозом и перепревшей травой.

– Ну? – пристала Нинка. – На кой тебе расписание? Куда собралась?

Комарова попятилась. Нинка буровила ее взглядом. Дернул же черт у нее время спросить!

Нинка тем временем углядела среди идущих в сторону станции Алевтину Степанову.

– Алевтина, ты это куда?! – крикнула ей Нинка. – Подойди-ка!

Алевтина подошла ближе, держа перед собой обеими руками большую клетчатую полиэтиленовую сумку. Комарова Алевтину не очень любила: у той всегда был какой-то затравленный вид и глаза такие, будто она сейчас расплачется.

– На рынок иду...

– А наша егоза собралась куда-то, на станцию бегала, расписание электричек смотрела. – Нинка не глядя ухватила Комарову за плечо и сгребла пятерней рукав ее платья.

– Куда же это ты собралась, Катя? – наклонившись к Комаровой и заглядывая ей в лицо влажными коровьими глазами, спросила Алевтина. – А родители как же? А маленькие? Кто останется дома за старшую?

На месте ее Алексея любой бы от такой сбежал. Когда он с мужиками сидел на старом мосту – это было любимое место всех поселковых посиделок, и занять его старались еще днем, чтобы не перебила другая компания, – Алевтина притаскивалась, вставала как-нибудь поодаль, но на виду, склоняла набок повязанную платком голову, складывала на груди руки и устремляла на мужа укоризненный взгляд своих коровьих глаз. Алексей отворачивался, пытался как ни в чем не бывало разговаривать разговоры, но через некоторое время сдавался, виновато прощался с собутыльниками и перся вслед за Алевтиной домой.

Комарова молчала, опустив голову. Нинка тряхнула ее за плечо:

– А им все равно. Они только о себе думают. Видишь, молчит, как партизан.

Алевтина покачала головой:

– Так нельзя, Катя. Ты бы о других подумала.

– А они не думают, – повторила Нинка. – Твой много думал, когда в город от тебя сбежал? Ты еще скажи спасибо, что у тебя не семеро по лавкам... Думают они... как же!

– Как там мой Алексей... – плаксиво растягивая слова, завела Алевтина. – Как он там в городе-то...

– Нагуляется и вернется, – грубо оборвала Нинка. – Нашел там себе какую-нибудь кралю вроде нашей Олеськи... клейма на ней негде ставить.

Комарова медленно присела, так что складки ее рукава начали выскальзывать из толстых Нинкиных пальцев.

– Небось лучше, чем ты здесь, – продолжала Нинка. – Небось о тебе-то он там и не вспоминает...

Алевтина вздрогнула и прижала к груди сумку, как будто защищаясь.

Комарова дернулась, едва не упав на колени, вырвалась из Нинкиных рук, вскочила и побежала.

– Куда?! – заорала Нинка. – А ну, стой! Вот я матери скажу, она тебя по жопе выдерет!

Вот привязалась, до всего ей дело, понесет теперь по всему поселку. Комарова, отбежав на достаточное расстояние, свернула на безлюдную боковую улицу и перешла на быстрый шаг, хотя Нинка и не думала за ней гнаться, а Алевтина так вообще стояла столбом, вытаращив глаза и вцепившись в свою сумку. Руки у нее были большие, как Нинкины, только пальцы потоньше, а суставы похожи на деревянные шарики, перекатывающиеся под кожей, и кожа красная и потрескавшаяся. Комарова вытянула перед собой руку и помахала ею в воздухе. У нее тыльная сторона ладони тоже была красная и сухая, вся в паутинке мелких трещин. Она попыталась вспомнить, какие руки у Ленки, но вспоминалось только, что очень грязные.

– Эй, Комарица!

Комарова вздрогнула, но заставила себя не поворачивать голову.

– Далеко собралась? Стой, поговорить нужно...

Если он один, можно попробовать отбиться и убежать. Но он один не ходит. Комарова сжала кулаки, так что ногти больно впились в ладони. Был бы у них старший брат вроде Максима, он бы им показал, а у них не братья, а смех один: Ваня и Саня, не успеваешь им сопلي вытирать.

– А сестра твоя где?

Босой забежал вперед и оказался прямо перед ней. Комарова остановилась. Подошли еще трое: семринский парень с разбитой губой – кровь он смыл, но губа все равно оставалась распухшей и синей, Стас и Косой, прозванный так за то, что правый глаз у него не открывался и вместо него была узкая щелочка.

– Ну? – Босой улыбнулся, показав два отсутствующих зуба, ухватил Комарову пальцами за подбородок. Она дернулась, но он держал крепко. – Ну, ну, что дергаешься, Комарица?

Комарова что-то замычала сквозь плотно сжатые губы.

– Не нравится ей! – ухмыльнулся семринский парень. Голос у него был хриплый, как будто он только и делал, что непрестанно курил.

– Не нравится, – согласился Босой. – Тебя не учили, Комарица, что за все дела в жизни нужно отвечать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.